

А. В. Ганин
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (г. Москва),
доктор исторических наук

«РОССИЮ ПОГУБИЛИ ОФИЦЕРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА...»?

Выпускники Николаевской Военной академии между красным, белым и национальным лагерями Гражданской войны 1917–1922 гг.*

Раскол армии и ее командного состава — одно из опаснейших явлений внутренней жизни страны, способное привести к Гражданской войне. Раскол воюющей армии влечет еще более непредсказуемые последствия. Последний год Первой мировой войны был как раз годом такого раскола в России и временем оформления противоборствующих лагерей Гражданской войны. Тогда многое зависело от выбора профессиональных военных — представителей командного состава и военной элиты — офицеров Генерального штаба, тем более что офицеры в силу специфики их службы являлись патриотами и государственниками, оплотом законности и порядка.

У раскола офицерства были социальные причины, усугублявшиеся политическим и мировоззренческим разделением. Февральская революция 1917 г. не повлекла за собой раскола офицерской корпорации, хотя и привела к выходу солдатских масс из подчинения офицерам и к серьезной дестабилизации обстановки. Раскол офицерского корпуса произошел в августе – сентябре 1917 г. в связи с выступлением генерала Л. Г. Корнилова. Среди генштабистов оказались те, кто активно поддержал Корнилова, те, кто сочувствовал ему, но не решался выступать активно, те, кто считал его выступление вредным, и даже те, кто, сотрудничая с Временным правительством, активно противостоял выступлению Корнилова. Определенную роль в разделении некогда единого офицерского корпуса сыграло инициированное генштабистами для оздоровления армии формирование национальных частей. Октябрьский переворот и последовавшие события только усугубили этот раскол.

Колоссальную роль в деле кристаллизации сторон будущей Гражданской войны сыграло разложение армии, неподчинение солдат приказам, засилье комитетов и многочисленные митинги, появление во главе соединений младших офицеров или даже нижних чинов, в том числе инородцев (непри-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

язненным было отношение кадрового офицерства к появлению на командных постах евреев¹, чего никогда прежде не было), которые порой вели себя абсолютно бесцеремонно по отношению к заслуженным боевым генералам. Часть офицерства, возмущенная этими явлениями, уволилась из армии, другая пошла по пути вооруженного сопротивления развалу, а многие просто плыли по течению. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. сделал раскол офицерства необратимым.

Глубинных причин размежевания офицеров-генштабистов коснулся один из лидеров Белого движения, генерал А. И. Деникин, по оценке которого, в этом отчасти виновата система воспитания, принятая в Николаевской Военной академии: «Всем своим укладом академия не могла воспитывать в своих питомцах сильной воли и твердого характера. Эти качества, придавленные школой, могли коваться только вне ее стен, в горниле жизни. Академия того времени приучала к перекрашиванию в защитные цвета. И не это ли обстоятельство сыграло известную роль в весьма пестром распределении офицеров Генерального штаба по всем фронтам Гражданской войны, по всем станам, и в особенности в легком восприятии многими большевицкой власти»². Понятно, что в Деникине говорило неприятие большевизма, однако указанный им фактор приспособленчества генштабистов не приходится сбрасывать со счетов.

Деникину вторил и журналист Г. В. Немирович-Данченко, отметивший, что «трехлетняя Гражданская война на Юге, дав нам незабвенные образы героев духа, вписавших свои имена в летописи бессмертия, выработала, однако, целое поколение молодых офицеров Генерального штаба, вздумавших в обстановке братоубийства продолжать прерванную в начале 1918 г. штабную карьеру... наши “военспецы” сохранили строгую корпоративность при всех перипетиях борьбы белых с красными, поддерживая друг друга в трудные минуты. Можно было бы привести целый ряд примеров, когда, при взятии в плен какой-либо части и поголовном истреблении победителями строевых офицеров и добровольцев (а в соответствующих случаях коммунистов), офицеры Генерального штаба избегали этой участи, благодаря привилегированному положению, в какое ставило их специальное военное образование. В офицерах Генерального штаба нуждались и красные, и белые, а при таких условиях эти офицеры, быстро оценив свои преимущества, служили одинаково неискренно и тем и другим и в значительной степени способствовали тому, что Гражданская война на Юге России приняла такой затяжной характер»³.

Гражданская война стала одним из сложнейших жизненных испытаний для офицеров старой русской армии, в том числе для специалистов Генерального штаба. Как и все население бывшей Российской империи, офицерство оказалось между красными, белыми и сторонниками национальных государств. Активное выражение собственной гражданской позиции —

¹ См., например: *Астахова М., Репников А.* «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // *Россия XXI*. 2012. № 2. Март – апрель. С. 175.

² *Деникин А. И.* *Старая армия. Офицеры*. М., 2005. С. 150.

³ *Немирович-Данченко Г. В.* *В Крыму при Врангеле. Факты и итоги*. Берлин, 1922. С. 27, 28.

удел меньшинства в любом обществе. Не являлось исключением и русское офицерство. Немалая часть офицеров предпочла уклониться от вовлечения в братоубийственную войну и заняла нейтральную позицию. Как справедливо отмечал один из генштабистов, «после демобилизации старой армии много лиц Генерального штаба, оставшихся без назначения, ушло с военной службы; много разъехалось по окраинам России и теперь, когда они все нужны, многих недосчитываются»⁴.

Период 1917–1918 гг. за все время Гражданской войны был, пожалуй, наиболее трудным и противоречивым временем для офицеров старой армии. Сложность заключалась, прежде всего, в отсутствии выбора для порядочного человека. Как отмечал подполковник К. З. Ахаткин, «я не могу при всей подходящей обстановке в начале революции делать карьеру на этой революции»⁵.

Старый режим обанкротился и дискредитировал сам себя, причем как в лице императорской власти («проклятого царизма»), так и в лице Временного правительства, лишь усугубившего ситуацию в стране. Идеи народовластия, торжества социальной справедливости опьяняли массы. Проникали они и в среду генштабистов. Так, генерал Е. З. Барсуков вспоминал, что вместе с генералом Н. Н. Стоговым в ноябре 1917 г. «мы пришли к заключению, что должны быть на своей Родине и честно служить русскому народу, к которому мы принадлежали, и тому правительству, какое русский народ изберет»⁶.

Среди символов темного прошлого оказались все, кто прежде пользовался какими-либо привилегиями, в том числе офицеры-«золотопогонники». Орды обезумевших от вседозволенности распропагандированных солдат жаждали крови тех, кого они считали своими угнетателями. Офицеры не могли спокойно появиться на улице в мундире. Откровенная уголовщина прикрывалась революционными лозунгами.

Сразу после своего прихода к власти новые хозяева России осознали, что без привлечения на свою сторону квалифицированных командных кадров из бывших офицеров им новой армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего режима от многочисленных врагов. Между тем вопрос привлечения офицерства на сторону Советской власти был непростым, так как большевики и их союзники — левые эсеры взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров. Придя к власти, они первоначально проводили курс, который отталкивал офицеров. Было отменено ношение погон, упразднены воинские звания. Само слово «офицер» уже вызывало подозрения в контрреволюционности, и в Красной армии вместо него был введен в обиход эвфемизм «военный специалист» (военспец).

В. И. Ленин и большевики для значительной части генштабистов были неприемлемы. В среде патриотически настроенного офицерства был распространен взгляд на них как на врагов России, предателей, прямых найми-

⁴ *Старый академик.* К открытию академии Генер[ального] штаба // Военное дело. 1918. № 19. 11 окт. С. 20.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 66 об.

⁶ *Барсуков Е. З.* В те дни : воспоминания // Литературный Смоленск : альманах. Смоленск, 1957. Кн. 16. С. 276.

тов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших позорный сепаратный мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Этот взгляд был недалек от действительности и служил одной из причин перехода офицеров на сторону антибольшевистских сил. Свою роль играл и фактор антисемитизма, являвшийся одной из составляющих мировоззрения дореволюционного офицерства. Он был обусловлен немислимой для старой России ролью евреев в большевистском руководстве и вытекавшими отсюда конспирологическими построениями возможного развития событий и миссии большевизма. На выбор офицеров сильное влияние оказывали внешние проявления новых порядков — упразднение чинов и самого слова «офицер» в Советской России, замененного словосочетанием «военный специалист» или «военспец», оскорбительное для кадровых военных требование снять заслуженные многолетней службой, потом и кровью погоны, изъятия оружия, в том числе наградного. В восприятии офицеров с большевизмом ассоциировались и солдатские банды, поэтому идти в Красную армию было просто опасно. Подтверждалось и усугублялось это и многочисленными эксцессами, связанными с убийством офицеров, а также началом большевистского антиофицерского террора.

Картина восприятия большевиков офицерами не могла быть однозначной. Так, в феврале – марте 1918 г. именно ненавистные офицерам большевики, воспринимавшиеся как немецкие агенты, возглавили защиту страны от германского нашествия, тогда как декларировавшие верность союзникам белые сил для такой борьбы еще не имели и своими партизанскими действиями только затрудняли оборону страны красным.

Противостоящая большевикам сторона, прежде всего лидеры зародившегося на Юге России Белого движения, также не выглядела особенно привлекательно, хотя и боролась за интересы офицерской корпорации. Генерал Л. Г. Корнилов потерпел неудачу в августе 1917 г., когда имел в своих руках рычаги управления армией. Это не прибавляло веры в успех его нового начинания, когда Добровольческую армию приходилось создавать с нуля. К тому же генералы Алексеев и Корнилов принимали самое деятельное участие в свержении монархии, что не добавляло им популярности.

Любопытно обсуждение дальнейших действий в штабе Юго-Западного фронта в конце декабря 1917 г. Тогда у главнокомандующего армиями фронта генерала Н. Н. Стогова собрались двое друзей, однокашников по академии: и. д. начальника штаба фронта генерал П. С. Махров и и. д. генерал-квартирмейстера полковник Н. Н. Петин. Обсуждали приход к власти большевиков и развернувшуюся украинизацию фронта. На вопрос Стогова, что делать, будущий военспец РККА Петин, не задумываясь, ответил, что нужно идти со своим народом. Стогов, также пошедший в РККА, но ставший крупным белым агентом, с этим согласился: «Вот так думаю и я, надо идти с нашим[и] православными»⁷. Будущий белый генерал Махров не дал однозначного ответа: «Я думаю, что пока я не вижу ни “православных”, ни

⁷ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (BAR). P. S. Makhrov Collection. Box 4. Развал русского фронта в 1917 г. и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетр. 5. С. 428.

“народа” и за большевиками не пойду... И за вильну Украину сражаться не буду...»⁸. После этого Стогов добавил: «Ну, братец мой, ты задумал уж что-то мудреное»⁹.

При расформировании штабов и управлений старой армии в начале 1918 г. бывшие офицеры Генерального штаба подлежали увольнению на общих основаниях и никуда не командировались¹⁰. В результате значительное количество выпускников Академии оказалось не у дел и без средств к существованию. Не только политическая обстановка в стране, но даже и собственное будущее для них оставались совершенно неясными. В такой обстановке началось австро-германское наступление на Востоке.

Как показал на следствии по делу «Весна» бывший полковник Н. Е. Какурин, в Киеве в революционные дни «я первое время ходил как в тумане. Также ходили и некоторые сослуживцы. Помню однажды, один из них пригласил собраться у него на квартире обменяться мнениями и потолковать. Пошел. Собралось человек 10. Пришел генерал Абрам Драгомиров. Говорил о верности обязательствам к Антанте, о необходимости восстановить фронт и продолжать войну до победного конца, о том, что с Дона должно прийти спасение в лице Добровольческой армии, и т. д. Мне не понравилось все это. Тогда уже до очевидности ясно у меня было, что этого-то, т. е. до войны в союзе с Антантой до победного конца русский народ как раз и не хочет, а значит, из кого же будет состоять армия — преимущественно из офицеров; значит, нечто кастовое. А отсюда вспоминалась история армии Кондэ первой французской революции и ее судьба. На этом деле решил поставить крест»¹¹.

По свидетельству Какурина, «приход армии Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение»¹².

Поляризация и кристаллизация сторон еще только начинались, но братоубийственная война уже развернулась, причем из каждого лагеря раздавались требования присоединиться к ним при отрицании возможности иного выбора. Служба в противоположном лагере воспринималась как самое тяжелое преступление, заслуживающее суровой кары. Для белых военспецы были ренегатами, предавшими офицерскую корпорацию и не достойными даже именоваться офицерами. В восприятии красных белые офицеры были идейным костяком противоположного лагеря и подлежали истреблению.

Безусловно, важную роль в выборе того или иного лагеря играли индивидуальные психологические особенности того или иного офицера, субъективный персональный опыт, в том числе опыт столкновений с солдатскими и матросскими массами. Эксцессы могли не иметь отношения к большеви-

⁸ Там же. С. 429.

⁹ Там же.

¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 51.

¹¹ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 20.

¹² Там же. Л. 20, 20 об.

кам¹³, но общественностью (в том числе офицерами) ассоциировались именно с ними. Как известно, едва не были растерзаны солдатами арестованные в Быхове сторонники генерала Л. Г. Корнилова. Чудом избежали самосуда видные в будущем лидеры Белого движения генералы Е. К. Миллер весной 1917 г. и П. Н. Врангель в начале 1918 г. Террор и репрессии только увеличивали число противников большевиков. Полковник Б. А. Энгельгардт так описывал причины своего перехода на сторону белых осенью 1918 г.: «Все, что мне пришлось пережить за последнее время, начиная с появления чинов ЧК у меня на квартире, потом постоянная угроза ареста, прятание по чужим квартирам, наконец, этот переход через границу (Украины. — А. Г.), полный трагических переживаний, — все это вооружило меня против Советской власти. Эта власть не только лишила меня моего имущества, она угрожала моей свободе, даже, может быть, жизни. В прочность этой власти я тогда не верил и на территорию Украины ступил с твердым решением принять участие в борьбе с Советами»¹⁴.

На все это накладывались незавершенность мировой войны и продолжавшееся в том числе на территории России, противоборство Антанты и центральных держав. Многие генштабисты воспринимали мировую войну как фактор, более значимый, чем внутрироссийские революционные перемены. Революция и Гражданская война заслонили в российской истории и в историографии события мировой войны. Однако в 1918 г. генштабисты, для которых приоритетом была верность союзникам, не считали, например, зазорным даже после Брестского мира сотрудничать со спецслужбами стран Антанты. Такие действия не казались предательством и шпионажем. Более того, само большевистское руководство до некоторых пор относилось к такому сотрудничеству достаточно спокойно и даже получало по этим каналам необходимую информацию.

Важной особенностью начального этапа Гражданской войны являлось сохранение в Советской России многих штабов, учреждений, организаций старой русской армии, в которых генштабисты по инерции продолжали тянуть лямку и после захвата власти большевиками. Такие учреждения крастные, взявшие под свой контроль практически весь аппарат управления старой армии, считали своими, однако реальность представляется несколько более сложной. Генерал В. Е. Флуг справедливо писал: «Вообще в первое время

¹³ В частности, главноверх Н. В. Крыленко в своем приказе осудил расправу над генералом Н. Н. Духониным (*Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.)*. М., 2003. С. 81), а в контролировавшемся большевиками Главном управлении Генерального штаба по Духонину прошла панихида (BAR. К. К. Akintievskii papers. Vox 1). Попытки отдельных авторов (*Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918*. Мюнхен, 1978. С. 664) возложить вину за расправу над Духониным на В. И. Ленина и Н. В. Крыленко представляются несостоятельными. И Ленин и Крыленко как раз требовали от солдат избегать «недостойных революционной армии самосудов» (см. радиограмму Ленина и Крыленко от 9 ноября 1917 г., адресованную всем комитетам, солдатам и матросам — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1981. С. 82).

¹⁴ *Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция* // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 177, 178.

после 25 октября 1917 г. новой власти пассивно подчинились все центральные военные управления (Главный штаб, Главное управление Ген[ерального] штаба и пр.), так и войска на фронте»¹⁵. Фактически резкого слома структур старой армии не произошло, а имела место их трансформация в новые, причем с сохранением значительной части прежнего кадрового состава (одним из казусов было, например, сохранение бывшего лейб-гвардии Семеновского полка, переформированного в полк внутренней охраны Петрограда).

Если проводить параллели, то ситуация, сложившаяся в органах управления русской армии в 1917–1918 гг., напоминает движение экстренно тормозящего поезда, который какое-то время не может остановиться. В этой связи целесообразно введение понятия «инерционный период», обозначающего переход от структур старой армии к структурам РККА¹⁶. Введение данного понятия позволит выделить все спорные случаи службы офицеров-генштабистов в переходных структурах в особую категорию. В зависимости от сроков реорганизации того или иного штаба или учреждения старой армии период охватывает события с 25 октября 1917 по осень 1918 г.¹⁷ Особенностью этого периода было сохранение в Советской России органов управления старой

¹⁵ Архив Гуверовского института (НИА). Michael Blinov Collection. Box 3. Folder 5.

¹⁶ Впервые предложено и обосновано нами в 2009 г. (*Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. : справочные материалы. М., 2009. С. 49, 50). Дальнейшая разработка проблемы подтвердила необходимость введения этого понятия в рамках изучения эволюции армейских структур в 1917–1918 гг. (также см.: *Ганин А. В.* Инерционный период // *Россия в Первой мировой войне 1914–1918 : энциклопедия* : в 3 т. Т. 1 : А – Й. М., 2014. С. 804). Опираясь этим понятием, я отнюдь не навязываю его другим исследователям.

¹⁷ Более четкий, нежели осень 1918 г., критерий завершения инерционного периода дать затруднительно, поскольку речь идет о разных событиях и процессах, связанных с одновременным переформированием дореволюционных структур в новые. Армейские и фронтные штабы старой армии были переформированы весной – летом 1918 г. К примеру, основой формирования штаба Беломорского военного округа послужили кадры штаба Юго-Западного фронта старой армии (в Архангельск 30 мая 1918 г. прибыли 57 офицеров во главе с бывшим вр. и. д. начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Генштаба полковником Н. Н. Петиным). Штаб 1-й армии Северного фронта переформировывался в Самаре в штаб Приволжского военного округа. Работники штаба XLIII армейского корпуса, расформировывавшегося в Калуге, поступили там же в службу штаба Западного участка отрядов завесы. Один из последних обнаруженных мною приказов, касающихся дореволюционных структур, — приказ наркомвоена от 2 сентября 1918 г. о массовом увольнении и вызове в Россию военных агентов прежнего правительства. В этом приказе упомянут и будущий лидер антибольшевистского движения на Севере России генерал Е. К. Миллер, состоявший представителем при итальянской главной квартире. Его случай — это квинтэссенция того, зачем вообще нужно понятие «инерционный период». Миллер лично пострадал в 1917 г. от солдатских масс и едва не погиб, он был ярким противником большевиков, однако формально получается, что до сентября 1918 г. числился на службе новой власти. Без понятия «инерционный период», объясняющего всю неоднозначность его положения, логичное объяснение того, кому же он служил, просто невозможно. Вполне вероятно, дальнейшие архивные поиски приведут к выявлению каких-либо еще документов относительно преобразования прежних структур в новые.

русской армии (даже после демобилизации старой армии), в которых по долгу службы продолжали служить прежние сотрудники, в том числе офицеры и генералы старой армии, нередко антибольшевистски настроенные. В то же время эти органы оказались под контролем новой большевистской власти, захватившей практически весь аппарат военного управления. Принадлежность ряда переходных структур к Красной армии была формальной, а их личный состав попал на службу в Красную армию просто по инерции¹⁸. Как только это стало очевидным, начались массовые переходы служащих на сторону антибольшевистских сил. Некоторые офицеры вынашивали планы удержания контроля над военным аппаратом в своих руках, несмотря на наличие формального большевистского руководства. Фактически до мая 1918 г. в Советской России продолжало работать прежнее Главное управление Генерального штаба, преобразованное 8 мая 1918 г. во Всероссийский Главный штаб. Сохранялся резерв чинов при начальнике Генерального штаба, в котором состояли десятки офицеров и генералов, позднее оказавшихся в руководстве антибольшевистских сил. Не претерпела практически никаких изменений организация Военной академии, позднее в полном составе перешедшей на сторону антибольшевистских сил. Сохранялся институт военных агентов, которые находились за рубежом и, по сути, были свободны в своем выборе сотрудничать или не сотрудничать с Советской властью. Понятие «инерционный период» позволяет давать более точную характеристику различным переходным структурам и точнее оценивать настроения офицерства в 1917–1918 гг.

Некоторые выпускники Академии старались не менять места службы, даже несмотря на смену режимов. В центре страны, контролировавшемся красными, в этом отношении было проще, на окраинах — сложнее. Попытка уклониться от вовлечения в гражданскую войну, подняться над сторонами, в том числе в целях сбережения достояния страны, вызывала репрессии со всех сторон. Подобная позиция совершенно не обязательно может быть проявлением аполитичности и пассивности. Наоборот, честный и последовательный государственный подход, при котором Гражданская война казалась преходящим временным злом, а Родина была, есть и будет, когда во главу угла ставилось сохранение богатств страны для будущего развития, вызывает уважение. Для следования этому выбору требовалась определенная смелость, а порой и изворотливость. Так было, например, с Военной академией, которая за период Гражданской войны работала в составе РККА, антибольшевистских сил Востока России и вновь оказалась у красных. Это уникальное учреждение ценой самоотверженной работы его сотрудников в итоге было спасено¹⁹.

¹⁸ О том, что старый аппарат управления Военным ведомством продолжал работать по инерции, говорилось в отчете о деятельности РВСР в 1918–1919 гг. (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 5). Ср. с положением морских офицеров на Балтике в первой половине 1918 г. в оценке командующего Балтийским флотом А. М. Щастного: «Флот является распущенным, офицеры уходят, ни один за 4 месяца не записался в Красный флот, офицеры служат по инерции, уходят из флота...» (Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного. М., 2013. С. 121).

¹⁹ Подробнее см.: *Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.*

Индивидуальные примеры в этой области смотрятся еще рельефнее. Сильное впечатление производит подвижнический поступок выпускника Академии, бывшего полковника А. С. Карпенко. Этот офицер почти всю свою офицерскую жизнь связал с Елисаветградским кавалерийским училищем, в котором прослужил порядка 17 лет, был преподавателем военных наук и помощником инспектора классов. Стараниями Карпенко была организована учебная часть училища. В феврале 1918 г. училище было закрыто, однако Карпенко решил, что на фоне разгоравшейся Гражданской войны бросить уникальную материально-техническую базу славной «Южной школы» на разграбление преступно. Карпенко взял на себя риск заведовать зданием и имуществом училища, которое охранял с февраля 1918 г. по апрель 1919 г. Вот как описывал свой поступок сам Карпенко в рапорте от 14 апреля 1923 г. о своем снятии с особого учета бывших белых офицеров: «По расформировании б[ывшего] Елисаветградского кавалерийского училища, я, прослуживший много лет в учебной части этого училища и создавший ее, как б[ывший] инспектор классов, своими трудами, взял на себя труд и уговорил других сотрудников охранять здание классного флигеля (№ 10) и его богатое учебное имущество. Это здание и учебные пособия я сдал в большой сохранности весною 1919 г. вновь сформированным из прибывшего из г. Твери эскадрона и административного состава 1-м Елисаветградским советским командным курсам, в коих я занял должность штатного преподавателя тактики»²⁰.

В августе 1919 г. город захватили повстанцы, а затем белые. Бывшему офицеру пришлось отвечать за службу в РККА перед деникинской следственной комиссией. Заболевание тифом спасло Карпенко от репрессий, он дождался прихода РККА. Оказавшись у красных, в 1920 г. Карпенко продолжил службу теперь уже на 15-х Елисаветградских кавалерийских курсах, а после их переименования — в 5-й Елисаветградской кавалерийской школе, где служил и после окончания Гражданской войны. Однако красные также отнеслись к Карпенко с недоверием и держали его на особом учете как бывшего белогвардейца²¹.

Громадное большинство офицеров представляло собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху, продолжала оставаться на своих местах после захвата власти большевиками и тянуть лямку. На протяжении нескольких последующих месяцев служба офицеров не претерпела существенных перемен. Поскольку большевики взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также в значительной степени прифронтовую полосу и Ставку, немалая часть офицерства таким путем, как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в те же, но видоизмененные органы новой, Красной армии. Например, большинство работников Ставки, множество работников центральных органов военного управления

²⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14.

²¹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Хранитель «славной Южной школы». Полковник А. С. Карпенко и судьба Елисаветградского кавалерийского училища в период Гражданской войны на Украине // *Славянский альманах*. 2017. № 3–4. С. 213–225.

осталось на своих местах после смены власти, причем некоторая часть (например, сотрудники ГУГШ) несла прежнюю службу вплоть до мая 1918 г.

Многие попавшие таким путем в новую армию считали, что служат своей стране безотносительно правящего режима. Например, генерал-майор А. А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг Отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая не для них, а для пользы Родины. Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей Родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти»²². Подобная позиция едва ли может быть названа гражданской, но она была достаточно распространена.

Перекликается с ней и небезупречная по логике позиция бывшего генерал-майора С. И. Одинцова, храброго офицера, одного из пионеров воздухоплавания и интеллектуала, пошедшего на службу к большевикам. В 1918 г. он был командирован в составе советской делегации Х. Г. Раковского и И. П. Сытина в Киев для решения вопросов пограничного урегулирования с Украиной. В Киеве Одинцов встретился со своими старыми сослуживцами — генералами П. Н. Врангелем и М. А. Свечиным. Врангель, зная о карьере Одинцова у большевиков, не подал ему руки. Желая произвести благоприятное впечатление на Врангеля, Одинцов заявил о готовности пожертвовать жизнью за Родину. Рассуждая о своей жертвенности, он заметил: «Я был и остаюсь монархистом. Таких, как я, у большевиков сейчас много. По нашему убеждению, исход один — от анархии прямо к монархии... в политике не может быть сантиментальностей и цель оправдывает средства»²³. Каким образом Одинцов собирался привести Советскую Россию к монархии, Врангель не написал.

Встреча со Свечиным, однокашником Одинцова по училищу и Академии, повлекла не меньшие переживания. О мотивах своей службы красным Одинцов рассказывал с большим смущением: «Нужно защищать интересы России... нельзя быть праздным зрителем! Нужно действовать, я через Троцкого и устроился в разграничительную делегацию, как военный эксперт для защиты интересов России»²⁴. Разумеется, такое заявление вызвало гневную отповедь Свечина, представлявшего тогда донское командование на Украине. Свечин ответил, что Одинцов служит убийцам России и преступникам, упрекнув того в пособничестве гибели генерала Н. Н. Духонина осенью 1917 г. Одинцов оправдывался: «Да ошибся, не отрицаю, но пошел с добрыми намерениями, чтобы не допустить до зверской расправы, а за-

²² *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 420.

²³ *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 105, 106.

²⁴ *Свечин М. А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 172.

цитить»²⁵. На это Свечин ответил, что теперь таким же образом Одинцов, очевидно, защитит и русские интересы, и посоветовал бежать к белым из своего поезда. Однако Одинцов отказался: «Не могу... раз взялся, по своей совести, должен докончить, какова не оказалась бы моя доля»²⁶. Обнявшиеся при встрече старые товарищи расстались сухо и расстроенные. По всей видимости, груз переживаний оказался столь тяжелым, что в сентябре 1920 г. Одинцов в возрасте 46 лет умер от разрыва сердца.

Служивший в Ставке и затем пошедший в РККА бывший генерал-генштабист Л. К. Александров, обсуждая в феврале 1918 г. будущее со стремившимся на Юг России сослуживцем Д. Н. Тихобразовым, заявлял: «Я вас отлично понимаю. У вас жена на юге, и вас тянет на юг, к солнцу. Это больше отвечает вашим наклонностям, да и климат там лучше. Моя же жена живет в Могилеве²⁷ и на юг не собирается. Вот я и остаюсь в Могилеве. Что же касается до политики, то этот вопрос тоже особого значения не имеет. Подумайте только, после Государя какой только сволочи мы не служили! Одной степенью больше, одной меньше... разница невелика! И еще вопрос, кто из них хуже: Керенский или теперешние!»²⁸.

Можно согласиться с тезисом о том, что на 1917 г. большинство кадровых офицеров еще не могло сделать осознанный политический выбор²⁹. Однако нельзя отказывать старому офицерству в способности осуществить такой выбор вообще. В особенности, если речь идет об элите армии — офицерах Генерального штаба. К этому стоит добавить, что к выбору той или иной стороны бывших офицеров подталкивали и сами события 1917–1918 гг., личный опыт взаимодействия с солдатскими массами, комитетами и комиссарами. В итоге кристаллизация сторон и их военных элит (в том числе из старых офицеров) все-таки произошла.

Лишь меньшая часть офицерства по идейным причинам, осознанно, пошла на сотрудничество с большевиками. В обстановке разрухи в стране, стихийного антиофицерского террора, ответственность за который часто возлагалась обществом на новую власть (далеко не всегда обоснованно), упразднения всех прежних привилегий и знаков отличия (в том числе значимых для офицеров чинов, наград, погон), заключения «похабного» Брестского мира, подтверждавшего слухи о том, что большевики являлись агентами врага, на добровольное сотрудничество с такой властью решались пойти немногие. Но такие люди были.

С марта 1917 г. сотрудничал с большевиками начальник штаба Омского военного округа генерал А. А. Таубе, позднее организовывавший формирование красногвардейцев. После июльских событий 1917 г. с военной

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 173.

²⁷ Александров женился во время войны на могилевской жительнице (примеч. Д. Н. Тихобразова).

²⁸ ВАР. Tikhobrazov papers. Вох 3. Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Гл. XIV : В Ставке главковерха Крыленко. Л. 10.

²⁹ Назаренко К. Б. К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. 2007. Вып. 4. С. 115.

организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-лейтенант Н. М. Потапов, связанный с большевиками М. С. Кедровым и руководителем так называемой «военки» — военной организации большевиков Н. И. Подвойским³⁰. По свидетельству Кедрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги»³¹. Слушатель ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии Б. А. Шехаев участвовал в организации красногвардейских отрядов в Петрограде³².

Генерал А. А. Брусилов вспоминал о выборе сослуживца, генерала Н. И. Раттэля — одного из видных советских военных работников: «Н. И. Раттэль одним из первых поступил на службу к большевикам. Это меня несколько тогда не удивило, т. к. я давно в нем чуял протестанта и человека очень левого направления. Во всяком случае, я отношусь к нему с большим уважением, ибо знаю, скольким людям впоследствии этот благородный и добрый человек облегчал, а иногда и спасал жизнь»³³. Подтверждается это и дневниковой записью штабс-капитана И. С. Ильина от 15 марта 1917 г. о приезде Н. И. Раттэля в 1-ю школу прапорщиков Юго-Западного фронта. Тогда генерал агитировал собравшихся: «Господа, произошла революция. Царя нету. Имейте в виду, что его нету навсегда, и потому те из вас, кто еще сохранил веру в то, что возможно восстановление монархии, — глубоко заблуждаются, и пускай это заблуждение выбросят из головы раз и навсегда. Никаких монархических принципов больше не должно существовать, а у кого они остались, выбросьте их — другого быть не может!»³⁴.

Вместе с тем абсолютное меньшинство бывших генштабистов вступило в большевистскую партию. В РККА оказались и генштабисты старой армии, имевшие прежде репутацию крайне правых (М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Самойло)³⁵. Впрочем, поведение носителей таких взглядов может трактоваться и как форма казенного патриотизма, при котором взгляды меняются вместе со сменой власти. Лояльным монархии, а позднее Советской власти был и А. И. Корк³⁶.

Крупный большевистский военный работник Н. И. Подвойский вспоминал: «Все лучшие военные работники из Генерального штаба не саботировали и старались всеми путями оказать содействие нам в построении армии не из-за политических симпатий, не из-за персональных каких-либо

³⁰ *Городецкий Е. Н.* О записках Н. М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 59.

³¹ *Кедров М. С.* За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 86.

³² *Буравченков А. А.* Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. С. 37.

³³ *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 289.

³⁴ Скитания русского офицера : Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 197.

³⁵ *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 217; *Нокс А.* Вместе с русской армией : Дневник военного атташе 1914–1917. М., 2014. С. 34.

³⁶ *Ганин А. В.* «Я имел счастье впервые видеть государя...» : Неизвестное письмо прославленного советского военачальника Августа Корка о встрече с императором Николаем II // Родина. 2017. № 10. С. 124, 125.

соображений, а потому, что многие из них действительно были служителями государства и нашему новому режиму отдавали то, что считали необходимым отдать. Несомненно, следовало бы отметить Потапова, Мочульского, Самсона, Одинцова, Борисова, Балтийского и других... Они уверились, что, взяв власть в свои руки, мы не бросили войны, не отдали Россию на разтерзание Германии, но что мы продолжаем войну до тех пор, пока не будет заключен мир, что мы приступили к заключению мира... Следовательно, аполитичность, отсутствие классовой точки зрения у некоторых из генштабистов и свойственная им ненависть к Германии позволили нам все же образовать около себя некоторую компактную добросовестную и знающую группу генштабистов, которая помогала в первое время строительства Красной армии самым реальным образом. Здесь следует отметить, что душой и организатором этой группы был начальник Генерального штаба Потапов, и, пожалуй, только благодаря ему мы были хотя бы обеспечены с точки зрения военно-технической...»³⁷.

Интересное объяснение причин своего перехода к большевикам привел И. В. Высоцкий, отметивший, что перешел на сторону Советской власти «не в силу понимания советской системы, а в силу уверенности в жесткости этой власти в отличие от мягкотелости Керенского, а также и вследствие призыва офицеров на службу в Красной армии»³⁸.

Идея твердой руки для наведения порядка в стране была популярна у многих офицеров Генерального штаба поздней Российской империи. К примеру, генерал Н. Д. Зарин в своем дневнике записал 8 мая 1915 г.: «Обман, личный интерес, карьеризм, протекционизм — Боже, как нам нужен Петр Великий и его дубинка, а без этого вряд ли хорошо будет»³⁹. Генерал В. А. Сухомлинов в эмиграции писал о большевиках: «Их мировоззрение для меня неприемлемо. И все же: медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ, быть может, помимо их воли, по правильному пути к верной цели и новой мощи... Россия и населяющее русскую землю смешение народов нуждается в особо твердой руке»⁴⁰.

Неслучайно к Красной армии добровольно примкнули некоторые прежде консервативно настроенные представители старой военной элиты, жаждавшие твердой власти. Например, М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Самойло и другие⁴¹. В этом ряду примечательна личность генерал-майора В. Л. Попова. Выходец из деревни, коренной сибиряк из-под Иркутска и патриот Сибири, он сумел дослужиться до генеральского чина и проявить себя как исследователь Сибири. В 1906 г. в Иркутске он был активным деятелем местного отдела «Союза русского народа», обретя славу черносотенца, а в 1918 г.

³⁷ Подвойский Н. Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 70.

³⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 73 (95). Л. 11.

³⁹ НИА. N. D. Zarin collection. Box 1.

⁴⁰ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 409. Примечательно, что последнее предложение в советском переиздании воспоминаний Сухомлинова оказалось цензурировано.

⁴¹ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни : воспоминания. М., 2012. С. 174; Knox A. With the Russian army 1914–1917. London, 1921. P. 42.

в числе первых сибирских генштабистов примкнул к большевикам⁴². За такой «багаж» его не любили в белом лагере как либеральные сибирские политики, которых Попов преследовал до революции, так и те, кто вменял ему в вину службу большевикам. В итоге Попову пришлось уйти из Сибирской армии на гражданскую службу. В 1920 г. он попал в плен и продолжил служить в РККА.

Некоторые офицеры из чувства самосохранения заискивали перед революционными властями еще в 1917 г., пытались подделываться под новые веяния — пожимали руку солдатам, ездили на заседания комитетов. Например, так себя держал генерал Ф. Е. Огородников⁴³, позднее попавший в Красную армию.

Ряд бывших офицеров добровольно поступили в Красную армию по патристическим соображениям, чтобы продолжать воевать с немцами, которые теперь угрожали Петрограду. Показания бывших офицеров Генерального штаба, проходивших в 1930–1931 гг. по следственному делу «Весна», свидетельствуют о том, что при поступлении на службу к большевикам ими двигало прежде всего стремление защитить Россию от внешнего врага. Значительное количество высших офицеров Генштаба добровольно поступило на службу в войска завесы, созданные большевиками специально для защиты от германцев и впоследствии ставшие кадрами для развертывания массовой Красной армии⁴⁴. По этой причине, например, в РККА поступили бывшие генерал-лейтенанты Д. П. Парский и Е. А. Искрицкий, видный военный ученый бывший генерал-майор А. А. Свечин, полковник С. С. Каменев и др. В показаниях по делу «Весна» 22 февраля 1931 г. А. А. Свечин прямо заявил: «Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги Советской власти»⁴⁵. В другом месте он отметил: «Я отдался целиком делу, питаемый своими националистическими настроениями и готовясь к продолжению войны с Германией»⁴⁶. При этом Свечин не особенно верил в перспективы большевиков. «Я по-прежнему считал экономическую программу, выдвинутую Октябрем, практически неосуществимой и полагал, что естественная эволюция приведет к коренному ее изменению, причем всякие насильственные акты могут задержать и помешать этому процессу», — отмечал он впоследствии⁴⁷.

К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города⁴⁸. По некоторым данным, более 8000 бывших офицеров в период немецкого наступления добровольно вступили

⁴² НИА. Ivan I. Serebrennikov collection. Box 10. Folder 19. *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. 2. Л. 97.

⁴³ Скитания русского офицера ... С. 225.

⁴⁴ *Стрекалов И. И.* Создание войск завесы (февраль – май 1918 года) : исторический очерк. М., 2001. С. 23.

⁴⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 10.

⁴⁶ Там же. Л. 14.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Фрайман А. Л.* Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.

в Красную армию⁴⁹. Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий. Впрочем, эта цифра вызывает сомнения.

Немецкий фактор стимулировал и антибольшевистскую патриотическую активность. Полковник К. Л. Капнин позднее вспоминал о пребывании в Белгороде летом 1918 г.: «Немцы в глубине России, в нашем тихом, патриархальном городке... Не выдержал и разрыдался, как ребенок, ощущая все большую ненависть к большевикам, так унизившим всю Россию»⁵⁰. Красноречиво свидетельство полковника Б. А. Штейфона о вступлении немецких войск в Харьков весной 1918 г.: «Как офицеру, мне было непереносимо смотреть на эти отличные, с военной точки зрения, войска и сознавать, что моей армии более нет, а я — я только обломок кораблекрушения... Что нет уже России, моей прекрасной Родины, ибо если была бы Россия, то Харьков не мог видеть немцев... В душе горела горечь национальной обиды, вспоминался весь позор, пережитый с первого дня революции»⁵¹. Схожие чувства испытывал в Киеве и бывший генерал А. Л. Носович («я не вынес вида гордых и наглых победителей»⁵²), впоследствии перешедший на сторону белых. Носович отмечал, что им «было принято решение ехать в Москву на предмет ориентировки в обстановке. Основанием такого решения была главным образом уверенность в том, что продвижение неприятеля в глубь России и предательство Рады⁵³ вызовут взрыв патриотизма во всех частях и новая война неизбежна. Мое решение ехать немедленно в Москву было одобрено ген[ералом] [А. М.] Драгомировым... Я ехал драться против общего врага и в данное время для меня являлось не столь важным, кто сражается против немцев и продавшихся им украинцев»⁵⁴. Генерал А. К. Келчевский, побывавший в Киеве в октябре 1918 г., вспоминал: «Всюду господствовали немцы. Вид немецких патрулей и пехотных частей, грузно шагавших по улицам Одессы и матери российских городов — Киеву, навевал мучительно тяжелые мысли»⁵⁵.

На патриотической платформе объединялись порой даже враждебные силы. Так, антибольшевистски настроенный полковник Я. А. Слащов весной 1918 г. короткое время сотрудничал по организации обороны от немцев с главнокомандующим войсками Красной армии Северного Кавказа А. И. Автономовым. О сотрудничестве, по свидетельству Слащова, они сговорились буквально с полуслова: «Меня привели на вокзал в поезд Авто-

⁴⁹ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 70.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 51.

⁵¹ Там же. Д. 754. Л. 40.

⁵² Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция, BDC). F. Nossovitch. F delta rés 843 (1) (2). *Носович А. Л.* Шесть месяцев среди врагов России. С. 39.

⁵³ Имеется в виду Брест-Литовское соглашение украинской Центральной Рады с Четверным Союзом, заключенное 27 января 1918 г., в результате которого австро-германские войска оккупировали Украину.

⁵⁴ «Вредить большевизму всеми возможными способами»: Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 62.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.

номова, и там же я застал и [А. Г.] Шкуру. Автономов осведомился: действительно ли я комполка старой армии и академик Генштаба. После моего утвердительного ответа, он заявил мне, что немцы стоят у границы Кавказа и что сейчас надо бросить всякие разногласия и защищать Родину, с этим же он обратился и к Шкуре. Возражений не могло быть. Автономов подошел ко мне с точки зрения моей идеологии, под которой я был воспитан»⁵⁶. Далее на митинге в Ессентуках уже сам Слащов взывал к тому, что «все жалобы могут быть разрешены потом, а сейчас каждый русский должен идти в армию и защищать свою Родину»⁵⁷.

О том, насколько непросто давался старым офицерам выбор в пользу большевиков, свидетельствуют страницы дневника крупного военного ученого, бывшего генерала А. Е. Снесарева. Он проживал на своей малой Родине в Острогожске Воронежской губернии и был приглашен в Москву М. Д. Бонч-Бруевичем в апреле 1918 г. Бывший генерал согласился приехать, видимо, чтобы узнать обстановку. По приезде стало ясно, что отказаться от службы в РККА не получится. 7 мая 1918 г. Снесарев в связи с полученным распоряжением ехать в Царицын записал: «На душе неважно, втюхался в историю, несомненно... хорошие решения приходят при хорошей обстановке, а у меня что-то в машине “сошло с шурупов”»⁵⁸. Пытаясь избежать вовлечения в братоубийственную войну, Снесарев в мае 1918 г. обратился с письмом к военруку Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевичу, однако ожидаемого результата это письмо не принесло⁵⁹. В связи с отъездом в Царицын 22 мая в дневнике Снесарева появилась не менее значимая для оценки его взглядов того периода запись: «Тоска страшная, так и сосет. Правильно ли я делаю, на верный ли я стал путь? Я полон сомнений и хожу из угла в угол; мысли нервные и кружатся бестолковым ходом. Ехать не хочется»⁶⁰.

Как офицер-государственник, по взглядам Снесарев был близок руководителям белых армий и при ином стечении обстоятельств вполне мог оказаться в рядах противников большевиков. Следует отметить, что Снесарев дружил с генералом Л. Г. Корниловым (последний был крестным сыном Снесарева Александра и Георгия). Возмущение Снесарева вызывала германская оккупация Украины. Анализ дневников Снесарева свидетельствует о том, что ему, как и многим бывшим офицерам, был присущ антисемитизм, что само по себе до некоторой степени препятствовало его работе с Л. Д. Троцким.

Поддержали большевиков некоторые генштабисты, находившиеся за рубежом. Так, состоявший при российском посольстве в Северо-Американских Соединенных Штатах полковник И. И. Чубаков 5–6 февраля 1918 г. опубликовал в газете «The Evening Star» обращение к американскому наро-

⁵⁶ *Слащов Я. А.* «О Добрармии в действии в 1918 году». Ч. I / публ. А. С. Пученкова // *Новейшая история России.* 2015. № 3. С. 206.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын : Из дневника 1918 года (май) // *Московский журнал.* 1996. № 2. С. 54.

⁵⁹ Там же // *Московский журнал.* 1996. № 3. С. 44.

⁶⁰ Там же.

ду «О признании Советской власти». Позднее, прибыв во Владивосток, он был арестован за это белыми и предан суду. Однако суд так и не состоялся из-за покровительства Чубакову со стороны белого командования⁶¹. Тем не менее Чубаков оказался «Колчаком лишен чина и мундира за приверженность Советской власти» и послан в Тобольск⁶². Впоследствии офицер перешел к красным, где подробно рассказывал о своих «страданиях» у белых. В результате ему удалось избежать преследований и поступить на службу в РККА⁶³.

В большевистской пропаганде в период службы в Персии обвиняли и начальника Персидской казачьей дивизии полковника Г. И. Клерже, отстраненного от должности 2 февраля 1918 г. при активном участии офицера дивизии полковника Реза-хана (основателя династии Пехлеви) с подачи англичан⁶⁴, но позднее оказавшегося у белых на Востоке России. Соответствующую информацию белое командование получило от британского командования в Месопотамии. Обвинения осложнили карьеру офицера у белых, но тем не менее он смог продолжить службу и даже руководил осведомительным отделом колчаковской Ставки, а затем получил производство в генералы.

Некоторые генштабисты, понимая риск быть втянутыми в братоубийство, ставили условием своей службы у красных привлечение их только на борьбу с внешним врагом. Например, бывший капитан Ф. Л. Григорьев, пытаясь устроиться на военную службу, 4 апреля 1918 г. писал в Москву: «В случае потребности в офицерах Генштаба для будущих формирований постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним (подчеркнуто автором письма. — А. Г.) врагом, прошу о зачислении меня кандидатом на какую-либо должность Генерального штаба»⁶⁵. Ответ на такие обращения был стандартным: «Вы взяты на учет Генерального штаба для предстоящих формирований постоянной армии для борьбы с австро-германцами»⁶⁶. Интересно, что и большевики первоначально считали приемлемым использовать офицеров только против внешнего врага⁶⁷. Разумеется, в связи с переходом к принудительным мобилизациям в Советской России с этими требованиями большевики перестали считаться. Таким образом, эта категория офицеров оказалась обманом втянута во внутреннюю войну на стороне красных.

Сохранились важные свидетельства о привлечении генштабистов к службе на внутренних фронтах. Генерал-майор Б. И. Казанович, побывавший по заданию командования Добровольческой армии с тайной разведывательной миссией в Москве в июне 1918 г., вспоминал об одной московской встрече, грозившей ему разоблачением: «Меня на Арбате неожиданно взял под руку знакомый офицер Генерального штаба и стал громко выражать свое удовольствие, что видит меня целым и невредимым, так как считал меня

⁶¹ BAR. Konstantin Konstantinovich Akintievskii papers. Box 1.

⁶² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141 об.

⁶³ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Американская история полковника Чубакова // *Известия Лаборатории древних технологий.* Иркутск, 2017. Т. 13, № 1. С. 95–117.

⁶⁴ *Тер-Оганов Н. К.* Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012. С. 258, 259.

⁶⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 62 об.

⁶⁶ Там же. Л. 63, 65.

⁶⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 81.

расстрелянным, а затем стал жаловаться на свою судьбу: “Я служу по передвижению войск, но теперь нас начинают хватать и отправлять, хочешь, не хочешь, в штабы на внутренний фронт. Как Вы думаете поступить?” Очевидно, он считал и меня состоящим на службе у большевиков. Я поспешил отделаться от него под каким-то предлогом⁶⁸.

Среди старших офицеров, продолжавших служить на прежних местах при новой власти, было распространено заблуждение, что, оставшись на старых должностях, можно сохранить контроль над армией в новых условиях и не отдать ее в руки большевиков. Ветеран Белого движения на Востоке России полковник К. Г. Язвин писал генералу А. С. Лукомскому 5 февраля 1927 г. из Филадельфии: «В 1918 году в Казани в июне месяце, в щетинкинских номерах, где помещался штаб главноком[андующего] Восточным фронтом Муравьева, Генерального штаба полковник Соллогуб (кажется, эта фамилия правильна — помню его в должности дежурного генерала в штабе Особой армии генерала Балужева в 1917 г.) приглашал меня на службу к большевикам и в беседе глаз на глаз сказал мне: “Наша цель — прибрать армию к рукам, а эти уличные бои социалистов и коммунистов и прочей... для нас смешны”. Теперь прошло почти 10 лет, многое изменилось и разъяснилось, я готов ответить ему отсюда, что они никогда армии не приберут к рукам, ибо сами стали рабами и находятся в стальных клещах интернационала, могущего расправиться с ними в любую минуту... Единственное спасение их собственное и всего народа — это откровенно сознаться в своих прежних ошибках и в будущем не поддаваться соблазнам. Их видимое настоящее благополучие ничего не стоит. Переход русских генералов и офицеров к красным я понимаю теперь как сущее преступление. Чтобы убедиться в правдивости этого, повторяю, пусть они приедут сюда, хотя [бы] на короткое время (особенно это было бы необходимо бывш[им] ген[ералам-]теоретикам Свечину, Бонч-Бруевичу, Сурину⁶⁹ и др.). Тогда бы они поняли, что весь этот пожар классовой борьбы — это игрушка в руках интернационала, играющего на низменных инстинктах человечества»⁷⁰.

Не относившийся к генштабистам генерал от кавалерии А. А. Брусилов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти годы (1917–1920. — А. Г.) страдаю развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один?..»⁷¹. Однако Брусилов и те, кто мыслил так же, не ошиблись в том, что большевики довольно быстро смогли на новых началах восстановить армию и наладить строгую дисциплину. Эти меры не могли не импонировать офицерам, увидевшим в новом режиме сильную власть, способную справиться с анархией в стране.

⁶⁸ Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май – июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 190.

⁶⁹ Автор неточен, генерал В. И. Сурин был участником Белого движения и умер в эмиграции.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 126. Л. 20, 20 об.

⁷¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 297.

Подобная мотивация была характерна и для других военспецов, в том числе генштабистов. Генерал Н. И. Раттэль впоследствии говорил вдове генерала А. Е. Эверта, осуждая отказ ее мужа служить в РККА: «Согласитесь, что если бы никто не бежал из России и не отказывался бы от службы при современных условиях, как бы тяжелы они ни казались, — фактически правили бы Россией мы»⁷². Вдова Эверта вспоминала о событиях весны 1918 г.: «В Москве, после освобождения мужа из Таганской тюрьмы... нас часто навещали бывш[ие] военные знакомые, а также и б[ывшие] сослуживцы мужа, как, напр[имер], Гутор⁷³; кроме того, при встрече на улице к мужу часто подходили не бывавшие у нас, но знавшие мужа бывш[ие] военные и при этом, как первые, так и вторые как бы спешили заявить о своем намерении вступить в ряды Красной армии “с целью восстановления русской армии”. Муж относился скептически к этим заявлениям и всегда говорил: “Они как будто оправдываются передо мною, ссылаясь на восстановление армии, но куда же им, бедным, деваться — или к белым или к красным — ведь другого выбора нет”»⁷⁴. Н. И. Эверт позднее комментировала это следующим образом: «Сопоставляя заявления этих военных со словами [Н. И.] Раттэля, и наблюдая как в его действиях, так и многих других большую самостоятельность, я прихожу к мысли, что идея о восстановлении Русск[ой] армии действительно многими руководила. Не отрицая того, что между б[ывшими] военными, оставшимися в Советской России, были и есть ищущие лишь материального благополучия, я все же настойчиво утверждаю, что таковые в меньшинстве, а большинство работает, имея целью будущую Россию»⁷⁵.

Любопытны показания бывшего генерал-майора С. Г. Лукирского, данные во время следствия по делу «Весна» в январе 1931 г.: «Наступившая октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение (Лукирский не указывает, кем. — А. Г.) идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»⁷⁶. В прочность большевистского режима многие бывшие офицеры тогда не верили. По свидетельству генштабиста П. П. Петрова, служившего в 1918 г. в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта: «Все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на юге и считали, что *в интересах русского дела, надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат* (курсив мой. — А. Г.). Вспышки гражданской войны нас непосредственно не касались...»⁷⁷. Однако действительность оказалась более суровой — в пол-

⁷² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 761. Л. 6 об.

⁷³ Братья — генералы Александр и Алексей Евгеньевичи Гуторы с 1918 г. служили в Красной армии.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 761. Л. 7, 7 об.

⁷⁵ Там же. Л. 7 об.

⁷⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 40.

⁷⁷ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 245.

ной мере сохранить в своих руках военное управление бывшим офицерам не позволили, взяв под плотный партийный надзор. Осознав невозможность осуществить задуманное в советских условиях, приверженцы подобной тактики или переходили на сторону антибольшевистских сил или ввязывались в крайне рискованную подпольную работу.

Беспочвенными оказались и надежды на непрочность и непопулярность большевиков, которых из-за этого поддерживали лишь для того, чтобы они свергли деструктивное Временное правительство, после чего были бы сменены какой-то другой, более приемлемой для офицерского мировоззрения властью.

Поступление в новую армию могло защитить от произвола бандитской стихии на местах, от которой в 1917–1918 гг. погибли сотни офицеров. На фоне широко практиковавшихся в Гражданскую войну дискриминации, арестов, взятия в заложники «буржуев», «бывших», представителей «эксплуататорских классов» (к каковым, конечно, относили и офицеров) лояльная служба в Красной армии могла восприниматься как возможность избежать красного террора (как показало развитие событий, подобные взгляды оказались иллюзорными) и даже обеспечить себе относительно спокойную жизнь.

Несомненно, свою роль в выборе дореволюционной военной элиты играл и материальный фактор. В условиях политики «военного коммунизма» бывшие офицеры Генштаба были вынуждены поступать на службу в Красную армию, будучи вместе с семьями обречены на голодное существование⁷⁸. Поступление в Красную армию давало жалованье и продовольственный паек, позволявшие выжить в условиях хаоса и разрухи. К тому же многие офицеры не владели другими профессиями и выбирали привычное ремесло. Но не следует преувеличивать, как это иногда делается, значение материального фактора в острейшем идеологическом противостоянии, расколовшем страну и Генеральный штаб — элиту армии. О том, что материальные проблемы и собственное положение для некоторых генштабистов были не главными, свидетельствовал в своем дневнике Генштаба генерал-лейтенант А. П. Будберг, который прямо написал: «Омский период украл у меня будущее, разбил последние иллюзии, лишил всяких надежд, что я доживу до восстановления России — России, а не своих потерянных прав, которые я похоронил безвозвратно и воспоминание о которых меня даже не тревожит»⁷⁹.

Для кадровых офицеров военная служба была единственным занятием. Вне армии и в отрыве от любимого дела они себя не представляли, поэтому среди многих получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любому режиму, нуждающемуся в их услугах⁸⁰, лишь бы пла-

⁷⁸ См., например, ряд свидетельств о затруднительном материальном положении генштабистов после демобилизации старой армии в начале 1918 г. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 24, 32 об., 39, 66).

⁷⁹ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 344.

⁸⁰ Характерный пример рассуждений взятого белыми в плен советского штабного работника — бывшего офицера, которому все равно, у кого служить, см.: *Валентинов А. А.* Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 25.

тили деньги. А. А. Свечин в показаниях по делу «Весна» свидетельствовал о «ландскнехтских беспечности и беззаботности, характерных для старых военных специалистов, делавших свое дело и оставлявших истории ответы на вопросы, куда, зачем и для чего»⁸¹. Впрочем, лояльность тех, кто готов был служить кому угодно за жалованье и паек, была довольно зыбкой. Как говорил бывшему генералу А. И. Верховскому другой бывший генерал А. А. Балтийский, «многие пришли к Советской власти только потому, что “кушать” нечего. Они продают свои знания за деньги, тая глухую ненависть к строю, который лишил их чинов, орденов и даже куска хлеба»⁸². Другой носитель подобных взглядов рассуждал так: «Я служу добросовестно за то жалованье, которое мне платят. Мне платят мало — я мало работаю. Но работаю, как хорошая пишущая машинка. Что большевики ударят по мне, то я и выстукиваю. Ударят верную букву — я верную букву отобью. Ударят неверную — мне наплевать! Я и неверную отстукаю; не я решаю, не я и отвечаю. Но свое дело делаю»⁸³.

Характерно высказывание А. А. Свечина, который писал в 1919 г., что «армия может быть и белой, и серой, и красной, в зависимости от вкусов строителей армии, причем, однако, прочность и добротность окраски зависит исключительно от того, насколько казарма, пропускающая через свои стены новобранцев, действительно казарма, а не богоугодное заведение»⁸⁴.

Поступление в новую армию давало возможность продвигаться по службе и тем, кто по каким-то причинам не мог на это рассчитывать в старой армии. Так, антибольшевистски настроенный генерал И. А. Данилов, видимо, не без определенных оснований (хотя и с рядом неточностей и преувеличений) отмечал наличие в 1920 г. в РККА группы «молодых офицеров старого Генерального штаба, окончивших курс академии в 1910–[19]14 г. и произведенных во время германской войны в подполковники и полковники. Эти офицеры, занимавшие до войны должности старших адъютантов в штабах округов и перешедшие на соответствующие должности в начале войны в штабы армий и фронтов, где они играли громадную, но скрытую роль, и так как условия прохождения службы не позволяли им еще занять высшие должности, к чему они в своих честолюбивых помыслах стремились, ибо, надо правду сказать, что тип прежнего офицера Генерального штаба почти всегда совмещал в себе и тип карьериста — они-то теперь в Красной армии получили, наконец, возможность протянуть руку к фельдмаршальскому жезлу, минуя все преграды цензовых условий прежней службы. Без принуждения, угроз и мобилизации они сами добровольно предложили Советской власти свои услуги и, даже не будучи коммунистами, заняли высшие командные должности в Красной армии, что было сравнительно легко сделать при том безлюдьи в военспечах, которое существовало в то время.

Любопытный анализ мировоззрения офицеров разных типов армий см.: *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 18–46.

⁸¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 38 об.

⁸² *Верховский А. И.* На трудном перевале. С. 421.

⁸³ Там же. С. 422.

⁸⁴ *Свечин А.* Милиция как идеал : Критика тезисов Л. Троцкого // Военное дело. 1919. № 11–12. 07 апр. С. 438.

Научный военный ценз им дала старая академия, и им не надо было быть только “контрреволюционерами”, чтобы получить удовлетворение своим честолюбивым помыслам и условия отличной материальной жизни, как для самих себя, так и для их семей. Придется ли впоследствии держать им за это ответ, я думаю, вопрос этот их мало интересует, так как примеры из истории революций им указывали, что люди ловкие и смелые, не теряющиеся в обстановке, выходили сухими из воды при самых тяжелых условиях.

Вот к числу этих лиц и принадлежали командующие красными армиями, бывшие офицеры Генштаба, как польской, так и Гражданской войны. Впоследствии некоторые из них, уже распоясавшись, перешли в коммунисты и, благодаря этому, получили доверие Советской власти и полное удовлетворение своего честолюбия. Командующий 4-ой армией, бывший подполковник Генерального штаба [В. С.] Лазаревич в начале 1921 года был назначен главнокомандующим Туркестанским фронтом, где находится и в настоящее время, представляя из себя, собственно говоря, вице-короля этой области. Как коммунист⁸⁵, он, конечно, пользуется такими благами жизни от Советской власти, о которых он, вероятно и не мечтал, будучи скромным слушателем академии. Характерно то обстоятельство, что наибольшее число деятелей этого типа дал бывший штаб Виленского военного округа; оттуда вышли Лазаревич, [А. С.] Белой, [Ф. П.] Шафалович и другие⁸⁶.

Сохранилось немало свидетельств того, что в РККА добровольно шли ради карьеры люди, обиженные или запятнавшие себя при старом режиме, лица, стремившиеся реализовать свой не востребованный или отсутствовавший потенциал. Например, таким путем в РККА попал генерал-майор В. А. Ольдерогге. Во время Русско-японской войны в чине подполковника он служил правителем канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений штаба маньчжурских армий и получал взятки (по свидетельству генштабиста С. А. Щепихина, за поставку гнилых шпал⁸⁷, по документам расследования — за выдачу нарядов на вагоны для коммерческих грузов⁸⁸),

⁸⁵ На самом деле в тот период В. С. Лазаревич оставался беспартийным.

⁸⁶ У Данилова ошибочно — «Белый, Шафтолович» (*Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 97, 98.*)

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 20 об.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 8 об. В период Русско-японской войны Ольдерогге служил в штабе Маньчжурских армий в должности правителя канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений. По материалам ревизии учреждений Военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов, проведенной в 1910 г. сенатором А. А. Глицинским, он был обвинен во взяточничестве. К этому времени Ольдерогге уже занимал пост заведующего передвижением войск по отдельным группам железных дорог и водяных сообщений Омского района. По документам расследования, Ольдерогге занимался выдачей нарядов на вагоны для коммерческих грузов, за что бралась взятка (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 5 об., 8 об.). Отмечалось, что непосредственно Ольдерогге получил взятку за выдачу нарядов на вагоны из Владивостока в размере 3600 руб. (по 600 руб. за вагон). Но наряды оказались неправильно составлены, и коммерсанты стали требовать деньги назад (Там же. Л. 9). Возможно, по этой причине афера вскрылась. Сам Ольдерогге был азартным карточным игроком и нуждался в крупных денежных суммах.

а, когда афера раскрылась, был переведен в январе 1916 г. из Генерального штаба в строй⁸⁹, причем его ходатайство о возвращении в Генштаб было отклонено даже в мае 1917 г.⁹⁰ В 1918 г. этот офицер, презираемый в кругу генштабистов, добровольно поступил на службу в РККА, где, конечно, смог вновь служить по Генеральному штабу, и проявил себя в основном как квалифицированный военный администратор и исполнитель⁹¹.

Однокашник генерала А. И. Деникина по юнкерскому училищу и Академии (выпуск 1899 г.) генерал П. П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. Недоброжелатели Сытина из числа участников Белого движения утверждали, что он имел проблемы по службе из-за карточного шулерства⁹². Генерал А. В. Геруа отозвался о нем как о царском генерале «с замаранным личным прошлым»⁹³ и характеризовал следующим образом: «С внешностью и содержанием гоголевского героя-шулера, знаменитого Ноздрева, в молодости исключенный из Генерального штаба за нечистую карточную игру, переведенный за это “в наказание” в артиллерию... во время Великой войны добрался до должности начальника дивизии... Когда случился большевистский переворот в Петрограде, Сытин... послал телеграмму с выражением строгого порицания большевикам и своей преданности правительству Керенского. Но через несколько дней, когда сверх общего ожидания обнаружили полное банкротство последнего и вырисовалось возможное окончательное торжество большевиков, Сытин отправил телеграмму с выражением своей преданности советам. При этом из солдатских комитетов он не вылезал... После уничтожения Ставки и водворения на развалинах ее пресловутого нового главковерха обозного прапорщи-

По одному из свидетельств, «Ольдерогге вел в Харбине очень широкий образ жизни, играл в азартные игры, проигрывая в один прием по несколько тысяч рублей, и имел связи с дорогими кокетками» (Там же. Л. 9 об.). Сам Ольдерогге писал в рапорте начальнику штаба Омского военного округа 24 октября 1911 г., что все это ложь, хотя признал, что проигрывал деньги в карты и поэтому был вынужден устроить заем (Там же. Л. 15). И хотя документальных оснований для обвинения найдено не было, военный министр, «принимая во внимание, что представленные названным штаб-офицером (Ольдерогге. — А. Г.) объяснения не могут считаться вполне удовлетворительными и что неблагоприятные показания против него устанавливают его не вполне корректное поведение, приказал перевести полковника фон-Ольдерогге из Генерального штаба в строй» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106 об., 107). Перевод произошел в январе 1916 г. Несколько его ходатайств о возвращении в Генеральный штаб были отклонены в сентябре 1916 г. и в мае 1917 г. (Там же. Д. 1298. Л. 175; Д. 1352. Л. 105). Таким образом, в старой армии (как и в сохранявшем прежние порядки белом лагере) Ольдерогге служить по Генеральному штабу не мог и пошел на службу к большевикам, которым прошлые грехи военспеца были безразличны. В то же время другой фигурант этого дела генштабист А. Н. Алексеев в годы Гражданской войны оказался в белом лагере.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106, 106 об.

⁹⁰ Там же. Д. 1298. Л. 175.

⁹¹ Об одном из неудачных эпизодов его деятельности см.: *Шило Н. И., Глушко А. В.* Маршал Тухачевский : Мозаика разбитого зеркала. М., 2014. С. 40–330.

⁹² *Геруа А. В.* Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании : Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 186.

⁹³ *Геруа А. В.* Полчища. София, 1923. С. 302.

ка Крыленко, он отправил к нему своего доверенного тайного посла, одного своего офицера Зарембу, который привез от Крыленко предписание “устранить корпусного командира и начальника штаба корпуса”. Это и было верхом желаний честолюбца Сытина, мечтавшего о poste корпусного командира. Но тут произошел неожиданный эпизод. Солдатский комитет, за которым он так ухаживал, назначил на эту должность солдата, приставив к последнему Сытина в качестве начальника штаба корпуса. Таким образом, честолюбие было больно уязвлено назначением на низшую должность.

Вскоре, однако, взбунтовав два корпуса, Сытин сделался как бы начальником штаба маленькой армии и объявил поход на Яссы, где в то время размещалась королевская главная квартира и штаб русского командования. Этот поход потерпел полное фиаско... и Сытин на нескольких десятках автомобилей со своими приверженцами, членами большевистских комитетов и денежными кассами уехал к австрийцам, а затем через их расположение к большевикам»⁹⁴. Впрочем, есть основания усомниться в достоверности и беспристрастности подобных дискредитирующих заявлений. Как бы то ни было, Сытин получил генеральский чин лишь в 1917 г.⁹⁵ Карьерные затруднения могли побудить его пойти на службу в новую армию, в которой он неплохо себя проявил в сфере военного управления и военной разведки.

Оказался в РККА и генерал А. А. Балтийский, о котором современник отозвался следующим образом: «“Правая рука” Троцкого... но только по сравнению с Брусиловым, он, конечно, всегда плавал более мелко. Слишком искательный и угодливый перед бывшим военным министром Сухомлиновым, он был за это с началом революции отставлен от активной службы. С пришествием большевиков он, недолго думая, предложил свою помощь Троцкому, с которым сделался неразлучен»⁹⁶.

Ужесточение условий службы в Красной армии, переход к принудительным мобилизациям генштабистов и отправка их на внутренние фронты привели к массовому дезертирству военной элиты. На протяжении 1918–1919 гг. из Красной армии бежали свыше пятисот специалистов Генерального штаба.

Рассуждая о расколе российского Генштаба и его причинах, нельзя не коснуться проблемы офицерских семей, расколотых или разделенных фронтами Гражданской войны. Показательно, что в большинстве случаев речь не шла об идейном расколе между близкими родственниками. Как правило, члены этих семей сочувствовали противникам большевиков и лишь в силу обстоятельств оказывались по разные стороны фронта. Фронты Гражданской войны разъединили братьев Байовых (Алексея, Владимира и Константина Константиновичей), Махровых (Василия, Николая и Петра Семеновичей), Новицких (Василия, Евгения и Федора Федоровичей), Свечиных (Александра и Михаила Андреевичей), Сыгиных (Ивана и Павла Павловичей) и множество других семей⁹⁷. Но документы, как правило, не свидетель-

⁹⁴ Там же. С. 305–307.

⁹⁵ *Трамбицкий Ю. А.* Генерал-лейтенант А. И. Деникин // Белое движение : Исторические портреты. М., 2011. С. 143, 144.

⁹⁶ *Геруа А. В.* Полчища. С. 304.

⁹⁷ Разумеется, существенно больше оказалось расколотых семей, лишь один из представителей которых был генштабистом. Например, генерал В. Н. Клембовский

ствуют о существенной разнице в мировоззрении кого-либо из этих братьев, служивших различным режимам. На выбор влияла совокупность различных факторов и обстоятельств. Генерал А. А. Свечин пошел в Красную армию по патриотическим соображениям, а его родной брат, генерал М. А. Свечин, резко отрицательно относился к большевикам и уехал к семье на Дон, оказавшись таким образом у белых.

Если существовала возможность уйти к белым и воссоединиться с близкими, те, кто находился на советской территории, ею нередко пользовались. Так, при занятии белыми Гатчины к ним перебежал служивший в РККА бывший генерал А. К. Байов. Хотел бежать от красных и Н. С. Махров, но не смог этого сделать и лишь переправил через линию фронта сообщение брату П. С. Махрову о невозможности побега и своих внутренних страданиях в связи с этим. «Мы всем сердцем любили друг друга, но судьбой вынуждены идти один против другого, как враги», — впоследствии вспоминал служивший у белых П. С. Махров⁹⁸. Генерал Н. М. Тихменев, брат которого также служил в РККА, сопереживал П. С. Махрову: «Все это очень печально... оказалось, что брат на брата пошел»⁹⁹. Удалось документально установить порядка четырех десятков разделенных семей генштабистов:

Семьи офицеров-генштабистов, разделенные фронтами Гражданской войны¹⁰⁰

Семья	В РККА	В белых армиях	В национальных армиях
Акинтиевские	Г. К. Акинтиевский	Г. К. Акинтиевский (перешел из РККА) В. К. Акинтиевский (перешел из украинской армии) К. К. Акинтиевский	В. К. Акинтиевский

стал военспецом РККА, а его сын Г. В. Клембовский служил у белых на Севере (ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 94).

⁹⁸ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина : Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 89.

⁹⁹ Там же. С. 46.

¹⁰⁰ Составлено на основе подготовленной нами базы данных по кадрам Генерального штаба. Учитывались только служившие в различных армиях прямые родственники (отцы, сыновья и братья), каждый из которых был выпускником Николаевской военной академии. Случаи, когда родство однофамильцев достоверно неизвестно, не учитывались. Поскольку мы не располагаем точными датами всех переходов из армии в армию, теоретически в таблице могут оказаться отдельные родственники, переходившие из одного лагеря в другой синхронно и, таким образом, не являвшиеся представителями разделенных фронтами семей. Например, такая ситуация могла быть в семье князей Гедеваншвили, попавших в РККА из грузинской армии. Возможно, дальнейшие исследования прояснят данный вопрос. Авторскую реконструкцию полного списка генштабистов-участников Гражданской войны см. в: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба ... С. 148–389.

<i>Семья</i>	<i>В РККА</i>	<i>В белых армиях</i>	<i>В национальных армиях</i>
Байовы	А. К. Байов К. К. Байов	А. К. Байов (перешел из РККА) В. К. Байов	
Барановские	В. Л. Барановский	Л. С. Барановский	
Баташевы	М. Н. Баташев (сын)	Н. М. Баташев (перешел из украинской армии)	Н. М. Баташев
фон Баумгартены	В. К. фон Баумгартен	Р. К. фон Баумгартен (перешел из украинской армии) В. К. фон Баумгартен (перешел из РККА)	Р. К. фон Баумгартен
Бафталовские	Н. А. Бафталовский	И. А. Бафталовский Н. А. Бафталовский (перешел из РККА)	
Берманы	Н. Н. Берман Е. Н. Берман (перешел из белой армии)	Е. Н. Берман	
Болецкие		Э. Б. Болецкий	К. Б. Болецкий
Бугай	К. Я. Бугай (из украинской армии) П. Я. Бугай (из украинской армии)	К. Я. Бугай (из РККА) П. Я. Бугай (из РККА)	К. Я. Бугай П. Я. Бугай
князя Гедеванишвили (Гедевановы)	А. К. Гедеванишвили (перешел из грузинской армии) Н. К. Гедеванишвили (перешел из грузинской армии)		А. К. Гедеванишвили Н. К. Гедеванишвили
Геруа	А. В. Геруа Б. В. Геруа	А. В. Геруа (перешел из РККА) Б. В. Геруа (перешел из РККА)	
Десино	К. Н. Десино Н. Н. Десино (перешел из украинской армии)	К. Н. Десино (перешел из РККА)	Н. Н. Десино
Жихоры	К. И. Жихор	М. И. Жихор	
Забелины	П. Ф. Забелин (перешел из украинской армии)	А. Ф. Забелин П. Ф. Забелин (перешел из РККА)	П. Ф. Забелин
Загю	М. М. Загю	Н. М. Загю	

<i>Семья</i>	<i>В РККА</i>	<i>В белых армиях</i>	<i>В национальных армиях</i>
Замбржицкие	В. А. Замбржицкий	Б. А. Замбржицкий В. А. Замбржицкий (перешел из РККА)	
Кривцовы	Н. Г. Кривцов	Б. Г. Кривцов Н. Г. Кривцов (перешел из РККА)	
Мандрыки	Г. А. Мандрыка (из белой армии)	Г. А. Мандрыка (из украинской армии) И. А. Мандрыка	Г. А. Мандрыка
Матковские	А. Ф. Матковский	М. Ф. Матковский А. Ф. Матковский (перешел из РККА)	
Махровы	Н. С. Махров	В. С. Махров (перешел из украинской армии) П. С. Махров (перешел из украинской армии)	В. С. Махров П. С. Махров
Моторные	Виктор Иванович Моторный Владимир Иванович Моторный (перешел из белой армии)	Владимир Иванович Моторный	
князя Мурузи	Александр Александрович Мурузи Алексей Александрович Мурузи	Александр Александрович Мурузи (перешел из РККА) Алексей Александрович Мурузи (перешел из РККА)	
Новицкие	В. Ф. Новицкий (Василий) Ф. Ф. Новицкий	Е. Ф. Новицкий	
Пестряковы	М. Н. Пестряков В. Н. Пестряков (перешел из белой армии)	В. Н. Пестряков М. Н. Пестряков (перешел из РККА)	
Подгурские	Ф. А. Подгурский С. Ф. Подгурский (перешел из белой армии)	С. Ф. Подгурский (перешел из украинской армии)	С. Ф. Подгурский
Ронжины	Г. А. Ронжин	С. А. Ронжин (перешел из украинской армии)	С. А. Ронжин
Свечины	А. А. Свечин	М. А. Свечин	

<i>Семья</i>	<i>В РККА</i>	<i>В белых армиях</i>	<i>В национальных армиях</i>
Сотниковы	А. Е. Сотников	В. Е. Сотников А. Е. Сотников (перешел из РККА)	
Ставровичи	В. Н. Ставрович	Б. Н. Ставрович (перешел из украинской армии) В. Н. Ставрович (перешел из украинской армии) Н. Г. Ставрович (перешел из украинской армии)	Б. Н. Ставрович В. Н. Ставрович (перешел из РККА) Н. Г. Ставрович
Суворовы	А. Н. Суворов М. Н. Суворов	М. Н. Суворов (перешел из РККА)	
Сытины	И. П. Сытин П. П. Сытин	И. П. Сытин (перешел из РККА)	
бароны фон Таубе	А. А. фон Таубе	Б. А. фон Таубе	
Тихменевы	Г. М. Тихменев	Н. М. Тихменев	
Томилины	С. В. Томилин	В. В. Томилин	
Туношенские	Н. В. Туношенский		Г. В. Туношенский
Церетели	З. Ф. Церетели	З. Ф. Церетели (перешел из РККА) И. Ф. Церетели (перешел из украинской армии)	И. Ф. Церетели
Шукевичи	И. Л. Шукевич	Н. Л. Шукевич	
Эльснеры	И. Е. Эльснер	Е. Ф. Эльснер И. Е. Эльснер (перешел из РККА)	

Анализ данных таблицы свидетельствует о том, что во многих случаях оказавшиеся по разные стороны баррикад родственники активно пытались воссоединиться друг с другом, что видно из сведений о переходах из армии в армию. Из этого можно сделать вывод о специфике Гражданской войны для офицеров-генштабистов — между многими из них, даже по разные стороны баррикад, никакой личной неприязни или враждебности не было.

Ряд близких родственников-генштабистов на протяжении Гражданской войны служили в одних и тех же армиях или лагерях. Например, на белом Юге служили братья Н. Э. и Ф. Э. Бредовы, В. В. и Л. В. де Витты, К. И. и Н. И. Глобачевы, Александр и Алексей Александровичи фон Гоерцы, А. М. и В. М. Драгомировы, В. А. и П. А. Карцовы (Карцевы), А. Г. и В. Г. Ласточкины, Д. Н. и С. Н. Потоцкие (последний некоторое время формально

числился в РККА). В колчаковской армии служил Александр Владимирович Иванов-Дивов, а в деникинской — его брат Анатолий Владимирович. Таковыми же были места службы братьев Г. Ф. и Ф. Ф. Одноглазковых соответственно. В Северо-Западной армии белых служили братья К. А. и О. А. фон Крузенштерны. Однако и в РККА некоторые генштабисты служили целыми семьями. Так, в РККА служили братья Л. П. и И. П. Войшин-Мурдас-Жилинские, А. Н. и В. Н. Гатовские, А. С. и В. С. Гришинские, Александр и Алексей Евгеньевичи Гуторы, М. А. и С. А. Довгирды, Н. Н. и П. Н. Жданко, А. И. и И. И. Кабаловы, И. И. и Н. И. Раттэли, В. А. и М. А. Соковнины, Г. М. и С. М. Шейдеманы, отец и сын В. И. и Н. В. Пневские, отец и сын Д. С. и А. Д. Шуваевы. Расколотые семьи создавали благоприятную почву и для организации шпионажа через линию фронта¹⁰¹.

Трагедия Гражданской войны и связанные с ней лишения, расставания с родными и их гибель так или иначе затронули практически каждого офицера-генштабиста, даже если его близкие вообще не служили в армии. Например, известный колчаковский генерал-генштабист Михаил Александрович Иностранцев (1872–1938) был сыном крупного ученого, члена-корреспондента Академии наук, профессора, геолога и археолога Александра Александровича Иностранцева (1843–1919). В связи с разгромом белых на Восточном фронте Михаил был вынужден покинуть Россию и с 1918 г. больше никогда не видел родителей. Его отец остался в Петрограде и, по некоторым данным, покончил с собой, не вынеся лишений. Мать скончалась в 1922 г. В Петрограде остался и младший брат Константин (1876–1941), крупный востоковед, подвергавшийся всяческим преследованиям и в итоге сошедший с ума¹⁰². Список похожих судеб можно продолжать. Немало было разделенных семей, где в разных армиях служили братья-офицеры, лишь один из которых принадлежал к генштабистам. Разумеется, отследить такие родственные связи намного труднее. Одной из таких семей были Раттэли. Николай и Иван Иосифовичи, как уже отмечалось, служили в РККА, причем занимали высокие посты, однако их младший брат Евгений — полковник, успел дважды послужить в РККА в начале и в конце Гражданской войны, но на ее пике служил в войсках Деникина¹⁰³. Родство с высокопоставленными военспецами стало аргументом в том, чтобы снять его с особого учета бывших белых офицеров.

Раскол целых семей, когда люди одинакового происхождения, образования, круга, образа жизни, имущественного положения оказывались по разные стороны баррикад, ярче всего подтверждает тезис о том, что социальное происхождение почти не сыграло роли в выборе представителей военной

¹⁰¹ К примеру, корнет Зундبلاد 25 апреля 1921 г. обратился в Российский эвакуационный комитет в Польше с просьбой оказать содействие в поездке в Советскую Россию, поскольку его отец, Генштаба генерал-майор А. О. Зундبلاد, занимал в РККА высокий пост начальника штаба армии и мог быть полезен для передачи сведений о военной политике большевиков лидерам антибольшевистских сил в Польше (Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша : Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013. С. 154).

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 74. Л. 8, 8 об.

¹⁰³ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 109, 109 об.

элиты. Как известно, непримиримые противники большевиков, вожди Белого движения генералы М. В. Алексеев (сын солдата), А. И. Деникин (сын крепостного), Л. Г. Корнилов (сын младшего казачьего офицера) происходили из низов. В то же время в Красной армии оказались некоторые генштабисты — представители старой родовой титулованной знати. Например, князя А. С. Андронников, В. А. Вадбольский, светлейший князь И. Г. Грузинский, бароны Н. А. фон Дистерло, В. Н. фон Майдель, Е. О. де Монфор, А. А. и С. Ф. фон Таубе. И хотя представителей титулованных дворянских родов было намного больше у белых, это не отменяет факта службы некоторой их части в Красной армии.

Родственные связи нередко предопределяли выбор того или иного офицера. Например, один из первых генштабистов, присоединившихся к новой власти, генерал М. Д. Бонч-Бруевич, был тесно связан с большевистским руководством через своего родного брата В. Д. Бонч-Бруевича — соратника В. И. Ульянова (Ленина) и социал-демократа с 1895 г., на квартире которого Ленин даже ночевал¹⁰⁴. Неясно, однако, каким образом М. Д. Бонч-Бруевич мог состоять в близком родстве с видным деятелем наиболее антиправительственной и антигосударственной партии и не иметь в этой связи проблем с продвижением на высокие посты в старой армии.

Влияние родственных связей прослеживается и в выборе генерала Н. М. Потапова — еще одного из первых большевистских военспецов. По сообщению представителя семьи Потаповых, профессора В. В. Плошкина, мать генерала, Надежда Александровна, приходилась родной сестрой отцу старого большевика М. С. Кедрова — Сергею Александровичу¹⁰⁵. Таким образом, Потапов и Кедров являлись двоюродными братьями. Как известно, М. С. Кедров был личным другом В. И. Ленина и одним из создателей ВЧК. Первые контакты Потапова через Кедрова с большевистской военной организацией относились к лету 1917 г. — времени, когда большевики еще не находились у власти.

По разные стороны баррикад оказывались не только родственники, но и друзья и сослуживцы. К примеру, друзьями были генералы А. А. Незнамов и С. Л. Марков¹⁰⁶. В Гражданскую войну первый оказался в РККА, а второй стал одним из видных деятелей Белого движения на Юге России (интересно, что племянник Незнамова служил в марковских частях). Дружны были до революции однокашники по Академии генерал П. С. Махров и полковник Н. Н. Петин. Первый занимал ряд крупных постов в белых формированиях Юга России, а второй — в РККА.

Раскол общества влиял на поведение генштабистов. Например, донской казак по происхождению бывший поддесаул Г. Я. Кутырев, служивший в РККА, не желая драться со своими близкими, был против службы на Южном фронте. В связи с назначением туда он сообщал своему однокашнику по прямому проводу: «Сия комбинация меня совершенно не устраивает и по очень серьезным мотивам — не могу же я драться на Южном фронте против

¹⁰⁴ Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 79.

¹⁰⁵ Письмо В. В. Плошкина автору от 26 октября 2012 г. (Архив автора).

¹⁰⁶ Марков и марковцы. М., 2001. С. 36–38.

дядюшек и тетюшек и тому подобное. Это было, видимо, учтено высшим командованием, почему есть такое распоряжение главкома, прошу вас, если возможно, отправить меня на Восточный фронт, хотя бы уборщиком, не назначать в 14-ю армию»¹⁰⁷. В итоге генштабист осенью 1919 г. отправился на Восточный фронт.

Порой генштабисты не желали воевать и против своих прежних сослуживцев. Бывший генерал-майор Н. П. Сапожников в показаниях по делу «Весна» в январе 1931 г. не побоялся заявить: «Гражданской войне, как войне братоубийственной, вызывавшей разруху, я не сочувствовал и с нетерпением ждал ее конца. Поэтому фронтową службу до начала белопольской войны я нес без внутреннего удовлетворения (был случай, когда я просил не назначать меня на Сев[ерный] фронт, где белыми командовал Миллер, к которому я относился с уважением в бытность его моим начальником)...»¹⁰⁸. Впрочем, подобные «контрреволюционные» заявления в Гражданскую войну могли дорого обойтись неосторожному военспецу.

Сохранились достаточно точные данные о расколе высшего законосовещательного органа военного управления дореволюционной России — Военного совета. В 1917–1918 гг. его члены, в основном пожилые генералы, оказались перед выбором, с кем быть. Совет был упразднен 21 марта 1918 г. приказом наркома по военным делам за № 223. По указанию управделами Наркомата по военным делам Н. М. Потапова его членов запрашивали относительно их желания служить в новой армии. Из 27 членов совета выпускниками Академии были 19. В РККА из них пожелали служить семеро (А. В. Брилевич, П. А. Гейсман, Е. А. Радкевич, В. Н. Клембовский, В. Т. Чернявский, А. Ф. Добрышин, Д. В. Филатьев), в том числе два негенштабиста. 11 (в том числе 4 негенштабиста) пожелали выйти в отставку (Н. Д. Артамонов, П. О. Щербов-Нефедович, А. А. Гернграсс, В. Г. Глазов, Д. Д. Кузьмин-Караваев, П. К. Кондзеровский, П. С. Саввич, В. И. Троцкий, И. А. Романенко, Ф. И. фон Торклус, А. А. Веденяпин). Находились в отпуску и не дали ответа 5 человек (Н. П. фон Ашеберг, К. Н. Ставровский, В. В. Смирнов, П. А. Фролов, Н. Е. Туманов), в том числе 2 негенштабиста, один из которых (Туманов) просил об отставке еще в ноябре 1917 г. Не были разысканы 2 человека (Н. Ф. фон Крузенштерн и Г. А. Якубович). Еще один, Д. С. Шуваев, служил в РККА в 1918 г., а Н. В. Рузский не дал ответа¹⁰⁹. В итоге в Красной армии и на учете РККА оказались восемь генштабистов, один из которых вскоре бежал в антибольшевистский лагерь. В белых армиях служили трое. Казнены красными трое. Остальные от участия в Гражданской войне уклонились.

Рассмотрим классификацию причин поступления генштабистов в Красную армию, которую предлагали сами офицеры Генштаба. Сохранилось несколько подобных классификаций, составленных, по всей видимости, А. Л. Носовичем, Я. М. Лисовым и А. И. Андогским.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394, 394 об.

¹⁰⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 60 (80). Л. 3.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 27, 27 об., 30, 30 об.

Широко осведомленный о положении в Красной армии автор, публиковавшийся в белой печати под псевдонимом А. Черноморцев (им был крупный белый агент в Красной армии генерал А. Л. Носович, впоследствии перебежавший к белым), разделял военспецов Красной армии на шесть категорий. «Первая — наиболее развитая и с наибольшим процентом офицеров Генерального штаба, добровольно пошедшие на службу в советские войска в марте, апреле и мае 1918 г. Большинство из них шло во имя идеи: “сопротивление германцам во что бы то ни стало”. Эти офицеры шли в армию на вольнонаемных условиях. Многие из них ставили непременно условием отправление на фронт против наступающих немцев и неупотребление частей, в коих они служат, в Гражданской войне.

Таковые условия “совдепцами” принимались, но уже в конце мая все офицеры, ставившие таковые условия, были взяты на учет и посланы на различные внутренние фронты. Многие из числа этой группы поплатились своей головой за свое доверие к большевикам и за свою слепую любовь к Родине. Они шли тогда в Красную армию на муку и унижение. Эти мученики за идею шли командовать туда, где их поносили, избивали и издевались над ними. В конце же концов они были поставлены перед необходимостью идти против тех, на кого не поднималась у них их рука»¹¹⁰. Многие офицеры из этой категории бежали на белый Юг.

Ко второй категории Носович относил «офицеров более слабых, как в нравственном, так, вероятно, и в умственном отношении. Это люди, принужденные к таковой службе голодом, нищетой и прочими условиями советской жизни. Но в некоторое их оправдание надо сказать, что все они были оставлены без всякой нравственной поддержки извне. Это та середина, для которой необходим не только временный пример, но и постоянное наблюдение»¹¹¹. К этой группе принадлежали и семейные офицеры. В третью группу Носович определил тех, кто пошел в Красную армию для ведения подпольной антибольшевистской работы. К четвертой группе относились офицеры, выжидавшие, чья возьмет. Пятая группа состояла из идейных большевиков, а шестая — из намеренно изменивших долгу карьеристов и приспособленцев. При этом, как справедливо отмечал автор этой классификации, существовало множество переходных типов.

Генерал А. И. Андогский без указания на источник заимствовал эту классификацию в своей работе, однако шестую группу в соответствии со своими личными перипетиями (самого Андогского, метавшегося во главе Военной академии между красными и белыми, обвиняли в карьеризме и приспособленчестве) сделал более привлекательной для белых. По его определению, к ней относились «офицеры, служащие в советских войсках из сознания долга содействовать образованию военной силы России и отнюдь не связанные с большевиками никакими идейными политическими принципами. Таких очень много. Они не мирятся с засильем иностранцев и разрушением России и, будучи против большевиков и веря в их неизбежный крах в бли-

¹¹⁰ Черноморцев А. Бывшие офицеры // Донская волна. Ростов н/Д., 1919. № 17 (45). 21 апр. С. 10.

¹¹¹ Там же.

жайшем — работают по укреплению военной мощи России, дабы не отдать свою Родину на расхищение иностранцам, — в особенности в тот критический период, который наступит непосредственно после крушения большевизма в России и когда нужно будет объединять всю ее на почве истинно-демократического государственного строительства. Эта группа офицеров увеличивается и ныне, видя, как последовательно разрушились все русские противобольшевистские организации, несмотря на могучую иностранную материальную помощь. Эта группа офицеров обрекает себя на тяжелую и ответственную работу **в надежде, что русский народный организм постепенно оздоравливается и создаст народную демократическую власть своими изнутри нарастающими силами, а не при посредстве какого-либо иностранного вмешательства** (выделено в тексте. — *А. Г.*), за которое неизбежно придется расплачиваться тяжелыми компенсациями¹¹². Но, вследствие самооправдания Андогского, эта категория мало чем отличалась от первой группы, выделенной Носовичем.

Расширенную классификацию причин перехода генштабистов на сторону РККА привел еще в феврале 1919 г. Генерального штаба полковник Я. М. Лисовой — достаточно осведомленный офицер Добровольческой армии, служивший в 1918 г. в военно-политическом отделе при генерале от инфантерии М. В. Алексееве. По его мнению, основными причинами этого явления были:

«1) Тяжелое, безвыходное материальное положение, многочисленная семья и в связи с этим невозможность своевременного выезда (из Советской России. — *А. Г.*),

2) Насильственное привлечение Советскими властями к исполнению обязанностей офицеров Генерального штаба под угрозой расстрела,

3) Чрезвычайное строгое наблюдение, сковывающее каждый шаг и почти лишаящее какой бы то ни было возможности покинуть ряды советской армии,

4) Честолюбие и карьеризм некоторой части из них (генштабистов. — *А. Г.*),

5) Широкое материальное обеспечение,

6) В корпусе офицеров Генерального штаба прежнего состава были, конечно, и отрицательные стороны — преувеличение значения последних отчасти также послужило одной из побудительных причин вступления в советские войска,

7) Соответствие во взглядах и убеждениях с представителями советской власти,

8) Наконец, на этот путь многие из них (генштабистов. — *А. Г.*) пошли сознательно во имя идейной стороны работы — в самом лучшем, конечно, значении этого слова, о которой (так в тексте. — *А. Г.*) по весьма понятным причинам, распространяться еще рано»¹¹³.

¹¹² *Андогский А. И. (А. Белозерский)*. Как создавалась Красная армия Советской России : (Уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921. С. 28, 29.

¹¹³ *Лисовой Я. М.* Генеральный штаб (Статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // *Донская волна*. 1919. № 9 (37). 24 февр. С. 14. Публикацию этой статьи, включая восстановленные по черновику Лисового фрагменты, см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба ... С. 808–815.

И Носович, и Андогский успели послужить в РККА в 1918 г., поэтому знали вопрос о причинах поступления офицеров в Красную армию не понаслышке. Лисовой, занимавшийся разведывательной работой, также был вполне осведомлен в этом вопросе, поэтому предложенные классификации могут считаться достоверными.

Вероятно, анонимный генштабист из РККА — знакомый генерала А. И. Деникина писал ему в эмиграцию в конце 1920-х гг.: «Революция внесла большую растерянность в нашу среду. Собственно, ни на одной категории русских граждан она не отозвалась так тяжело и нигде не вызвала таких противоречий между пониманием долга и практикой, как среди офицеров. И хотя бы кто пришел нам на помощь в нашем бездорожье и отчужденности. Да что говорить об этом Вам, когда Вы сами в одной из Ваших книг, которую я не без труда раздобыл, писали, что в дни революции “офицерство бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия и боязливо отвернулась от него либеральная”... Удивительно ли, что мы с большой оглядкой отнеслись к активным начинаниям общественных организаций в Москве и Петербурге, к формированиям Дв. и Др.¹¹⁴ (офицерство их было, ведь, предано немцам), к агитации Савинкова, лево-эсеров и др.

Оставались пути к Вам или на Волгу... Так неужели Вы считали серьезным возможным массовое течение офицеров к перифериям, в очаги восстаний? Это — сквозь бушующие, озверелые массы солдат и народа, через сотни препятствий, лишённые средств и возможности избавить свои остающиеся семьи от голода и насилий. Без того офицерское звание стало тогда ненавистным и достаточным поводом для кровавых эксцессов. А при обнаружении массового ухода не обратились ли бы они в поголовное истребление? То количество офицеров, которое перешло на белую сторону, не есть ли это максимум того, что по техническим условиям тогдашней обстановки могло перейти?..

Остались не только худшие, но и просто менее везучие.

Некоторые из нас пошли с места на службу к новой власти. Одни — потому, что были беспринципны, и таких вначале было не очень много. Другие — видя в том свой долг перед лицом немецкого нашествия. Третьи, из старших, для того, чтоб как-нибудь выручить офицерство. Ведь, например, А., К., С., С.¹¹⁵ и многие другие оставались на службе с ведома Вашего и Алексеева... Часть их вернулась к Вам, другие, ведь, расстреляны.

В общем, только небольшая часть офицерства перешла вначале к большевикам. Масса его саботировала новую власть, так же как буржуазия, чиновники, вообще интеллигенция. Но сопротивление было сломлено. Почему, об этом говорить долго. Но мы, ведь, разделили только общую участь всей

¹¹⁴ Дв. — возможно, сокращение фамилии генерала С. А. Довгирда — руководителя антибольшевистской подпольной организации в Москве, ориентированной на Германию; Др. — возможно, сокращение фамилии другого белого подпольщика генерала В. Н. фон Дрейера.

¹¹⁵ Возможно, имеются в виду видные белые агенты в РККА генералы А. П. Архангельский, С. А. Кузнецов, В. И. Соколов, Н. Н. Стогов. Архангельский и Стогов смогли бежать к белым, Кузнецов и Соколов были расстреляны.

русской интеллигенции: не хватило пороху... Так что, когда нам предложили на выбор — стенку или службу, мы выбрали службу, ставши невольными работниками советского аппарата»¹¹⁶.

Свою классификацию офицества уже в июле 1918 г. предложил и вождь РККА Л. Д. Троцкий в статье «Офицерский вопрос», опубликованной в «Известиях ВЦИК». Троцкий подразделил офицеров на примазавшихся и прекрасившихся, которые подлежали искоренению; на тех, кто понял смысл революции и дух новой эпохи; на непримечательных службистов; на боевых контрреволюционеров, подлежавших истреблению, и на трусливо выжидающих обывателей-шкурников, безразличных к судьбам страны (Троцкий считал их резервом контрреволюции)¹¹⁷.

На ту же тему рассуждал и генерал А. И. Деникин, по мнению которого, причинами поступления офицеров в РККА были «инертность, слабоволие, беспринципность, семья, “профессиональная привычка”»¹¹⁸.

Наконец, еще одной причиной поступления в Красную армию были протестные настроения или неприятие того, что творилось в прифронтовой полосе и на окраинах развалившейся империи. Об этом впоследствии вспоминал полковник А. В. Черныш, служивший к началу 1918 г. в XXXII армейском корпусе на Юго-Западном фронте: «Первая группа моих подчиненных уехала в марте [1918 г.], не вынеся обстановки “украинизации”. Это именно озлобило прекрасных офицеров этой группы... и они, унося злобу, а нередко и просто ненависть к гражданам, вернее, агентам ее власти, “новой державы”, поспешили уехать, и не на Юг, где зарождалось движение против большевизма, а на Север, к этим последним, но отнюдь не из симпатии к ним, а чтобы не быть с “украинцами”».

В начале мая и я с остальными офицерами двух штабов (105-й дивизии и 32-го корпуса) направился в Киев. Отсюда мы разделились. Часть поехала на Север, часть на Юг: все по месту жительства своих семей, родных, близких. Это было так естественно в заливавшем все шире Россию пожаре»¹¹⁹.

Сопоставление классификации, предложенной самими генштабистами и Троцким, с тем, что известно по документальным материалам, позволяет вскрыть практически весь спектр мотивов поступления офицеров Генштаба в Красную армию до массовых мобилизаций. Мотивы эти были как рациональными, так и эмоциональными (например, связанными с представлениями о справедливости, долге и чести, с реакцией на текущие события), могли переплетаться между собой, а, в целом, сводятся к следующим:

- продолжение службы по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы Красной армии;
- стремление к профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить Родине) безотносительно правящего режима (службисты);

¹¹⁶ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию. Париж, 1928. № 70. С. 2, 3.

¹¹⁷ Троцкий Л. Д. Офицерский вопрос // Троцкий Л. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1 : Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 145.

¹¹⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 2, кн. 2. С. 240.

¹¹⁹ Черныш А. В. На фронтах Великой войны : воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 189.

- патриотический порыв в связи с наступлением немцев на Восточном фронте в феврале – марте 1918 г.;
- вера в твердую центральную власть;
- стремление удержать контроль над армией в руках офицеров-патриотов, поступление в армию для ведения подпольной антибольшевистской борьбы, содействия офицерству в советских условиях;
- отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи;
- карьеризм и приспособленчество, желание обезопасить себя от репрессий;
- проживание, служба, родственные связи в регионах, контролировавшихся большевиками;
- идейная приверженность большевизму;
- протестные настроения.

Однако служба большевикам была приемлемой не для всех. Генерал Н. Д. Зарин 18 ноября 1917 г. записал в дневнике: «Надо выждать событий, если Советская власть останется, то, конечно, никуда к ним не пойду»¹²⁰. Размышляя о перспективах дальнейшего существования, Зарин писал, что лучше пойти по миру или выполнять какую угодно работу, чем служить большевикам. Впоследствии Зарин попытался пробраться к белым, но был казнен.

Офицерство выступило в качестве движущей силы Белого движения. В белые армии, в которых, в основном, сохранялись нормы старой императорской армии, шли те, кто уверенно продвигался по служебной лестнице до 1917 г. и имел для этого достаточные знания и навыки работы. Более того, сама по себе служба в антибольшевистских формированиях для значительной части бывших офицеров Русской императорской армии, в том числе и для генштабистов, при их традиционной системе мировоззрения, носила в гораздо большей степени идейный характер, чем их служба в РККА, и вдобавок она не являлась принудительной. Иными словами, в антибольшевистских армиях, в отличие от РККА, для деятельности генштабистов объективно существовали более приемлемые условия.

В ряды белых армий шли патриотически настроенные офицеры, которые ощущали резкое неприятие разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классовой и сословной розни, которую вели большевики. Для многих из них большевики ассоциировались с германским шпионажем и олицетворяли внешнего врага. Приход их к власти в стране казался предвестником окончательной гибели государства. Противники большевиков, жаждавшие активной борьбы, бежали на Дон, где генерал М. В. Алексеев формировал Добровольческую армию. Руководство этой армии составили почти исключительно участники неудавшегося выступления генерала Л. Г. Корнилова, арестованные в Быхове и бежавшие оттуда в ноябре 1917 г. на Юг. В белые армии попадали и офицеры, проживавшие на окраинах страны, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами. Армии социалистической (Народная армия Комуча) или монархической (Южная и Астраханская армии) ориентации привлекали приверженцев соответствующих течений. В ряды белых армий Юга России географически

¹²⁰ НИА. N. D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 8. Л. 97 об.

проще было попасть тем, кто служил на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах Первой мировой войны.

Полковник Б. А. Штейфон так описывал свои переживания рубежа 1917–1918 гг. и причины перехода к борьбе с большевиками: «В душе горело не замиряющее чувство национальной обиды. Чувство и рассудок не могли примириться с создавшимся положением и подсказывали, что надо что-то делать. О Добровольческой армии я ничего не знал. Мысль лихорадочно работала в одном и том же направлении: почему анархическая солдатская масса осилила элементы порядка? Почему зверь победил человека? Трудно, да и невозможно было в те дни разобраться в причинах русской трагедии. Ясно стало только одно: зверь победил потому, что действовал скопом, а человек — разрозненно. Следовательно, необходимо было прежде всего или создать какую-то организацию или, если таковая уже имелась в Харькове, — вступить в ее состав...

Лик революции всегда отвратителен. Российская революция, вызвавшая высокие лозунги, принесла, прежде всего, полное забвение права и полную переоценку решительно всех духовных ценностей. Никогда, даже в самые черные дни опричнины или биро[но]вщины, насилие и произвол не владели нашей несчастной Родиной так, как в эпоху революции. Ужасы Свеаборга, Кронштадта, Севастополя, бесчисленные насилия над офицерами на фронте, воспоминания о собственных тяжелых переживаниях, все это обостряло мою гордость и упрочивало сознание, что невозможно, недопустимо покоряться тому циничному злу, какое совершалось именем революции. Что позорно ожидать с покорностью и с непотривлением своей очереди, когда явятся людо-звери и уничтожат меня, как беспомощного слепого щенка.

Подобные настроения диктовали и программу действий: мне представлялось необходимым организовать самозащиту, доказать морально приниженному, запуганному офицерству, что мы можем быть силою, если объединимся, если наша воля пожелает отвечать на насилие насилием. Ибо слова, убеждения, все воздействие подлинной культуры не производили никакого впечатления на большевиков. Сила, грубая физическая сила являлась фактором единственно убедительным для них»¹²¹.

Путь к белым с фронта или из центра Советской России, где, в основном, находились генштабисты, был сопряжен с колоссальным риском, что, надо полагать, влияло на сокращение потока желающих попасть к белым, так как само по себе воплощение решения присоединиться к противникам большевиков требовало большого личного мужества. В конце 1917 – начале 1918 гг. офицеры были, пожалуй, самой бесправной категорией населения рухнувшей империи, их можно было безнаказанно ограбить и убить при одобрении и попустительстве возвращавшейся с фронта разложившейся солдатской массы. Сохранились десятки потрясающих воображение мемуарных свидетельств о том, как офицеры, в том числе генштабисты, пробирались на белый Юг, в Добровольческую армию. Чтобы не быть казненными просто за офицерские погоны, эти люди переодевались рядовыми, беженцами, гражданскими, прятались в эшелонах, пробирались к месту назначения

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 7, 8.

окольными путями, избегая железных дорог¹²². Множество офицеров при этом было бессудно убито. Постепенно красные ужесточали пропуск пассажиров на Юг, в результате чего поступление офицеров в Добровольческую армию этим путем сошло на нет.

Однако прием, ожидавший после всех мытарств опытных генштабистов на Белом Юге, не мог не разочаровывать. Зарождавшаяся Добровольческая армия больше нуждалась в рядовом составе, чем в военной элите, которой было в избытке, поэтому к приезжавшим офицерам Генштаба относились прохладно. Полковник И. Ф. Патронов вспоминал о своей беседе с генералом С. Л. Марковым по прибытии в штаб армии: «Узнав, кто я, он разочарованно сказал мне: “Старшие чины, как Вы, нам в сущности не нужны; должностей и окладов у нас нет; нам, прежде всего, нужны рядовые бойцы”».

— “Напрасно думаете, что я прибыл к вам за должностями и окладами”, — возразил я.

— “Все равно не можем мы полковников Ген[ерального] штаба ставить рядовыми бойцами, хотя бы они и были на то согласны. Конечно, в этом может оказаться надобность и к этому Вы должны быть готовы, а пока идите в штаб ген[ерала] Корнилова”.

Я раскланялся и ушел, весьма разочарованный первым приемом¹²³.

Генерал М. В. Алексеев предлагал привлекать офицеров Генерального штаба к обязательному ведению занятий и чтению лекций, «иначе существование бесцельное»¹²⁴.

Впрочем, измученные произволом офицеры были рады укрыться в Добровольческой армии. Полковник Б. А. Штейфон впоследствии вспоминал, что, оказавшись в Добрармии, «впервые после революции я, как офицер, дышал свободно, где все было мне близко и понятно. Где я мог бы заняться привычным мне делом и перестать быть конспиратором»¹²⁵.

Причины поступления генштабистов в белые армии (помимо стечения обстоятельств и мобилизации) были, в основном, следующими:

- патриотический порыв, стремление навести порядок в стране и армии, неприятие большевизма и нерусских националистических движений, террористических методов управления, разложения армии, идеологии и пропаганды поражения, пропаганды классовой и сословной розни;
- стремление блюсти верность союзникам России по Первой мировой войне, продолжать войну с немцами до победного конца, восстановить Восточный фронт и территориальную целостность страны;
- потребность в профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить Родине) безотносительно правящего режима;
- влияние призывов авторитетных для генштабистов генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова, принадлежность к участникам движения генерала Л. Г. Корнилова и к его сторонникам;

¹²² См., например: *Клементьев В. Ф.* В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 5–11.

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 42.

¹²⁴ *Алексеев М. В.* Записная книжка 1917–1918 гг. // Записки отдела рукописей [РГБ]. М., 2008. Вып. 53. С. 346.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 105, 106.

- корпоративизм офицерства — стремление защитить права офицеров, объединиться перед угрозой террора и преследований офицерства по всей стране;
- продолжение службы по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы белых армий (например, в администрации казачьих войск);
- проживание, служба, родственные связи в регионах, контролировавшихся белыми;
- стремление укрыться от террора;
- отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи, материальные интересы.

Здесь важно отметить, что, по всей видимости, карьеризм не играл значимой роли среди причин перехода генштабистов на сторону белых. Слишком туманны были перспективы Белого движения на этапе его зарождения. Имели место и разнообразные сочетания причин и мотивов. Например, если офицер испытывал потребность в профессиональной самореализации по службе Генштаба, но при этом негативно относился к большевикам.

На начальном этапе Гражданской войны у перехода на сторону белых было гораздо больше минусов и рисков для офицера, чем в случае занятия выжидательной позиции и пребывания по инерции на месте прежней службы. Шансы на успех всего дела были не очевидны, а перспективы карьерного роста более чем сомнительны. В такой обстановке среди причин поступления к белым на протяжении всего 1917–1918 гг. преобладал идейный антибольшевизм. К тому времени, когда белые смогли развернуться и действительно стали выглядеть заманчиво в карьерном плане как возможные победители в Гражданской войне (т. е. на протяжении части 1919 г.), большинство генштабистов уже сделали свой выбор в ту или иную сторону. Перебежчики из Красной армии вряд ли могли рассчитывать не только на серьезное карьерное продвижение у белых, но даже на забвение их прежней службы большевикам.

Полковник А. В. Черныш вспоминал о мотивах своего решения присоединиться к белым в мае 1918 г.: «До Киева я медлил с окончательным решением — куда ехать? На севере, в центре большевизма, в г. Орле была моя горячо любимая семья, жена и четверо детей. Несколько месяцев я не знал о ней ничего. Судьба ее меня до крайности волновала, тревожила. Но ехать в Орел — это значит проходить через большевистский фронт... рисковать жизнью и, в лучшем случае, стать, значит, на сторону большевиков, чтобы сохранить себя для семьи.

Другой выход был — ехать на юг, где что-то делалось — как, в каком раз-мере, не было известно нам толком, — но факт был без сомнения. Поехать и стать в ряды поднявших меч за честь и самое существование Отечества — только во имя этого можно было пожертвовать всем и даже своей семьей. В крайности, при неудаче и этого намерения, пробраться к своим родным, отцу и матери, жившим в г. Ейске, на Кубани, и там осмотреться и выждать более подходящей обстановки для сношения с семьей или поездок туда»¹²⁶.

¹²⁶ Черныш А. В. На фронтах Великой войны ... С. 189, 190.

Существует точка зрения, что кадровые офицеры и особенно генштабисты больше ценили реальные должности, полагавшиеся им у красных, чем чины, которые могли предложить белые¹²⁷. Однако этот тезис не может быть научно доказан, поскольку едва ли офицер имел возможность сравнивать и выбирать предпочтительные условия службы в обьётой хаосом стране. Думается, в обстановке идейного раскола и братоубийства, при необходимости выживать, вопрос о привилегиях и наградах был отнюдь не приоритетным.

На выбор в пользу белых армий, очевидно, влиял фактор красного террора, произвол на местах, ассоциировавшийся с большевиками (хотя они не всегда были за это ответственны, особенно в период 1917 – первой половины 1918 г.). От террора и произвола страдали как сами офицеры, так и их семьи. К примеру, в 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии была убита и сожжена Елена Константиновна Дитерихс — родная сестра видного военачальника, в будущем одного из лидеров Белого движения генерала М. К. Дитерихса¹²⁸. У полковника К. Л. Капнина в начале 1918 г. красными были убиты дядя и двоюродные братья, сам Капнин вместе с братом был вынужден скитаться по горам, сидел в новороссийской тюрьме и едва не погиб¹²⁹. Как отмечал он сам, «чувство долга офицера и гражданина звало туда на поля битв в ряды добровольцев, дерущихся за Родину»¹³⁰. В дальнейшем Капнин оказался в рядах белых. Ненависть таких офицеров к большевикам приобретала личный мотив.

Во взглядах ряда офицеров еще недавно единой русской армии, оказавшихся по разные стороны баррикад, было довольно много общего. В этом отношении показательно сопоставление выбора и убеждений двух знаковых фигур российской Гражданской войны — А. И. Деникина и Б. М. Шапошникова, первый из которых возглавил Белое движение на Юге России, а второй стал видным работником РККА, а впоследствии возглавлял советский Генеральный штаб. И Деникин, и Шапошников по своим взглядам были патриотами и государственниками. И тот и другой происходили из непривилегированных слоев населения, оба до революции придерживались либеральных убеждений, добивались служебных высот собственным каждодневным упорным трудом, критически воспринимали состояние старой русской армии и стремились по мере возможности исправить ситуацию, проявили мужество на полях сражений Первой мировой.

В отличие от ставшего тогда политиком Деникина, Шапошников строго держался военной линии и не оставил свидетельств о своем отношении к событиям развала армии в 1917 г., но, думается, отношение это не могло быть позитивным. В выборе Деникина определяющую роль играло резкое неприятие разложения армии, пораженчества, пропаганды классовой и социальной розни, которую вели большевики, к тому же ассоциировавшиеся

¹²⁷ *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 134.

¹²⁸ *Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 19.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 35, 45.

¹³⁰ Там же. Л. 54 об.

с германским шпионажем. Важным этапом становления Деникина как политика стала поддержка им выступления генерала Л. Г. Корнилова летом 1917 г. Большое влияние на последующий выбор оказало совместное пребывание с руководителями этого выступления в полуторамесячном заключении в Быхове. Быховские узники были товарищами по прежней службе, единомышленниками и будущими соратниками по борьбе. Свою судьбу Деникин связал именно с ними. Деникин обоснованно считал, что дороги в Советскую Россию, где развернулся стихийный террор против офицерства, ему — одному из генералов-корниловцев — просто не было. В результате в конце 1917 г. он оказался на Дону в руководстве антибольшевистской Добровольческой армии.

Идейный выбор Шапошников был в большей степени ситуативным. Его предопределили привычное для офицера невмешательство в политику и некоторая близость к солдатским массам. О своем восприятии революции осторожный Шапошников свидетельств не оставил, однако вряд ли ревностный службист положительно отнесся к развалу армии. В то время одни командиры подвергались избиениям и казням со стороны вкусивших вседозволенности солдатских масс, а других, наоборот, избирали на руководящие посты. Шапошников избежал самосуда, а в декабре 1917 г. его, командира 16-го гренадерского Мингрельского полка, съезд делегатов солдатских комитетов избрал начальником Кавказской гренадерской дивизии. Возможно, это событие, как и воспоминания о беспросветности прежней армейской службы, сыграло свою роль в последующем выборе в пользу большевиков.

В январе 1918 г. Шапошников демобилизовался по болезни и уехал домой. В апреле устроился секретарем народного суда в Казани. Необходимо было позаботиться о семье в связи с грядущим пополнением (сын Игорь, впоследствии генерал-лейтенант Советской армии, родился у Шапошниковых в декабре того же года). Но 35-летнего офицера, который отдал армии 17 лет жизни и по старым правилам рассчитывал на генеральский чин после командования полком, едва ли привлекала перспектива провести дальнейшую жизнь в бумажной работе на судебных заседаниях. Как нельзя кстати в газетах попало сообщение о том, что формируется новая армия, где будут восстановлены привычные структуры, в том числе военные округа. Документы этого периода свидетельствуют, что Шапошников стремился продолжить военную службу в новой армии, сохранив прежнее положение¹³¹.

Раскол Генштаба происходил не только по линии белые — красные, некоторая часть офицеров вовсе уклонилась от участия в Гражданской войне,

¹³¹ До революции Шапошников начал прохождение ценза командования полком, что являлось необходимым условием для получения офицером Генерального штаба первого генеральского чина (генерал-майора). Это важное с точки зрения нового назначения обстоятельство он не забыл дважды упомянуть в своем письме начальнику штаба Приволжского военного округа Н. В. Пневскому от 23 апреля 1918 г., по итогам рассмотрения которого оказался на службе в Красной армии (Военно-исторический журнал. 1967. № 6. С. 79; *Василевский А.* Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной : сб. М., 1979. Вып. 2. С. 10). К сожалению, это письмо по шифру, указанному в «Военно-историческом журнале», обнаружить в РГВА не удалось.

но немало «академиков» поступило на службу в национальные армии. Генштабисты оказались не только у красных и у белых, но и в национальном лагере.

В 1917 г. наряду со многими новыми явлениями российской жизни на развалинах империи стартовал процесс образования независимых национальных государств. Разумеется, в этот процесс не могли не быть вовлечены тысячи офицеров и солдат, происходивших из губерний, отошедших к новообразованным государствам или принадлежавших к доминировавшим там национальностям. Волна националистических настроений захлестнула русскую армию. Стали появляться разнообразные национальные формирования — польские, украинские, прибалтийские и закавказские.

Офицеры поступали в национальные формирования по самым разным причинам. В основном по этому пути шли те, кто был связан рождением, родственными связями, службой или имуществом с самоопределившимися территориями.

В украинские армии географически проще было попасть тем, кто служил на Юго-Западном и Румынском фронтах Первой мировой войны. Отдельные офицеры «национализировались» подчас при откровенно комических обстоятельствах. Так, например, заключенные в Быхове сторонники генерала Корнилова осенью 1917 г. убедили Генштаба подполковника И. Г. Соотса в том, что для освобождения ему следует «самоопределиться» как эстонцу. Соотс действительно подал такое заявление, причем воспринимал все это как шутку и не думал о действительном самоопределении. Тем не менее впоследствии он стал эстонским военным министром. Находившийся там же Генштаба капитан С. Н. Ряснянский позднее отметил в своих воспоминаниях: «Составляя в то время это прошение, никто из нас и не подозревал, что автор его будет действительно “самоопределившийся” министр. Сам п[одполковник] Соотс придавал своей просьбе только значение шутки, могущей способствовать его скорейшему освобождению, но никак не “самоопределению”, о чем он, по-видимому, тогда и не думал»¹³². Когда в 1927 г. в альманахе «Белое дело» генерал А. А. фон Лампе издал «Быховский альбом» с автографом Соотса как русского патриота¹³³, это использовали эстонские социал-демократы против него¹³⁴.

Красноречивое свидетельство о ходе украинизации Генерального штаба оставил подполковник К. З. Ахаткин. Офицер вспоминал, что в начале марта

¹³² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 49. Также см.: Дело генерала Л. Г. Корнилова. М., 2003. Т. 1 : Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. С. 429, 430.

¹³³ Соотс писал тогда: «Не надо быть гениальным, не надо быть пророком, а просто нужно иметь рассудок и немного здравого смысла, чтобы видеть, кто ведет армию и Родину к позору и кто их сумел бы вести к славе... И что бы ни случилось, пусть сознание долга удесятит силы “корниловцев”, дабы вывести армию и страну из анархии к светлой будущности» (Дело генерала Л. Г. Корнилова. М., 2003. Т. 2 : Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа – 6 ноября 1917 г. С. 539).

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 34.

в его дивизии «узнали о существовании приказа о расформировании всей старой армии, а на замену ей в Большевистии формировались красноармейцы, в Украине — гайдамаки, запорожцы и т. п. сволочь...

Решили хлопотать о сохранении дивизии, раз воссоздается какая-то армия. Я помню насчет этого вопроса и того, имеем ли право мы — русские офицеры — оставаться на службе в Украине, объявившей себя самостийной, у меня с ген[ералом] Волховским было много споров.

Я отстаивал ту точку зрения, что это измена Родине — Великой России. Он доказывал, что нет, что мы сохраним хотя бы здесь армию, и армию по убеждениям не самостийную, выгоним потом немцев и самостийников.

Раз как-то спор этот кончился серьезной размолвкой. Генерал сердито ушел куда-то, я ушел в канцелярию... Он уже успокоился и говорит мне, что в г. Умани живет его бывший н[ачальник] ген[ерал] Рогоза, что это честнейший человек, и вот он хочет сейчас же поехать к Рогозе и узнать его на это дело взгляд и, если тот ответит положительно, то можно уже без сомнений стать на этот путь.

В тот же день он уехал. До Умани было недалеко, и генерал дня через 3 вернулся, сияющий, и сообщил, что ген[ерал] Рогоза не только одобрил его желание, но даже сам выразил желание служить, если ему предложат соответствующий пост.

Видимо, у Волховского после этого не осталось больше сомнений, меня же это убедить не могло, и сомнения по-прежнему мучили¹³⁵. Так начиналась украинизация Генерального штаба.

Спустя несколько недель Ахаткин побывал в Киеве, где рассеял свои сомнения: «В этот день я встретил полк[овника] Прохоровича, которому украинское правительство предлагало должность обер-квартирмейстера в Главном упр[авлении] Ген[ерального] штаба. Он колебался, принять ли. Я доказывал ему необходимость согласиться, напоирая на то, что в противном случае должности главные попадут в руки самостийников, что повредит русскому делу.

Для себя же считал все-таки неприемлемым служить в украинской армии, т. к. никакого касательства к Украине не имел ни по рождению (исключая древнего происхождения), ни, и это главное, по воспитанию и убеждениям.

Здесь уже Прохорович мне доказывал, что, несмотря на отсутствие во мне элементов украинства, я могу все же служить, встав, как и он, в ряды федералистов»¹³⁶.

Ахаткин добавил: «Все еще не решив, останусь я в укр[аинской] армии или нет, по инерции я еще оставался и, думаю, далеко не маловажную роль играло в это время отсутствие у меня денег»¹³⁷.

Как и в случае с поступлением в Красную армию, в национальные формирования шли не сумевшие себя ранее реализовать в карьерном плане офицеры, ожидавшие теперь быстрого взлета. Это одна из причин, но не самая

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 61, 61 об.

¹³⁶ Там же. Л. 63.

¹³⁷ Там же. Л. 64.

значительная. Сюда же поступали противники большевиков, надеявшиеся в рядах этих армий принять участие в борьбе с ними или же переждать Гражданскую войну, избежать репрессий. Среди других причин — стремление удержать контроль над частями бывшей русской армии, пошедшими по пути национализации. Например, некоторые генштабисты всерьез считали, что, расставив своих людей в руководстве украинской армии, они смогут уберечь войска от влияния самостийных идей, поддерживавшихся германским Генштабом¹³⁸.

На гетманской Украине в 1918 г. под защитой германских штыков можно было спокойно переждать Русскую Смуту. По этой причине сотни офицеров, даже не знавших украинского языка и подчас отказывавших Украине в праве на собственную государственность, устремились туда. Подполковник Ахаткин писал о жизни в гетманском Киеве: «Оглядываясь на прошлое и вспоминая жизнь в Киеве, я считаю это время после моей жизни в Тифлисе лучшим временем жизни за все время войны и революции»¹³⁹. Благополучие было таково, что тот же офицер раздумывал о приобретении дачного участка в Крыму.

Переживавшие Гражданскую войну на Украине офицеры не спешили присоединяться к какому-либо лагерю. С. Н. Ряснянский, пытавшийся сагитировать таких людей во время своей разведывательной поездки в Киев в 1918 г., с горечью вспоминал: «Я попытался тогда заполучить несколько помощников среди офицеров Генерального штаба, не пошедших на службу к гетману или немцам. В один из ближайших дней в частном доме было организовано небольшое собрание. Пришло человек 10–12 штаб-офицеров и генералов Г[енерального] шт[аба] (из более молодых). Я рассказал им о начале Добров[ольческой] армии, о Кубанском походе, о силе армии и планах добровольческого командования. Когда я назвал цифру чинов армии, то я заметил, как вытянулись лица моих слушателей. Оказывается, они предполагали, что Добр[овольческая] армия имеет по крайней мере десятка полтора–два тысяч штыков и сабель. Расчеты армии на помощь кубанцев, постепенно встающих против большевиков, тоже показали им неправильными. Они так же как и г[енерал] Драгомиров были убеждены, что или немцы разоружат армию или она сама рассыпется при дальнейшей неравной борьбе. На мой призыв о помощи отозвалось только два-три полковника, два из которых все время работали против большевиков, как до прихода немцев, так и после их ухода. К сожалению, я сейчас забыл их фамилии. Помогал мне также и п[олковник] Кусонский, хотя в армию первоначально и отказавшийся ехать. Таким образом, и здесь я встретил холодное отношение (за исключением немногих, как п[олковник] Гаевский и особенно п[олковник] Ерарский)»¹⁴⁰. В донесении начальнику штаба Добровольческой армии И. П. Романовскому Ряснянский 31 мая (13 июня) 1918 г. отметил, что «из офицеров Ген[ерального] шт[аба] пока никто не пожелал ехать, здесь же работать охотно соглашаются»¹⁴¹.

¹³⁸ Там же. Л. 63.

¹³⁹ Там же. Л. 65 об.

¹⁴⁰ Там же. Д. 606. Л. 27.

¹⁴¹ Там же. Л. 34.

Сторонники белых относились к национализировавшимся офицерам с презрением и неприязнью. Полковник Б. А. Штейфон вспоминал о своем профессоре в Академии генерале Н. Л. Юнакове, пошедшем на украинскую службу: «Сепаратистические тенденции Юнакова являлись тем более непонятными, что как по рождению (дворянин Петербургской губернии), так и по воспитанию (офицер л[ейб-]гв[ардии] Семеновского полка) профессор Юнаков ничего общего с украинцами не имел и воспринял украинскую идею исключительно по соображениям выгоды. Он воистину продал свое первородство за чечевичную похлебку»¹⁴².

Выбор русских офицеров в пользу национальных армий воспринимался кадровыми офицерами белых армий (а вероятно, и красными военспецами из кадровых офицеров), как нечто противоестественное или анекдотическое. В особенности это относилось к украинской службе, переход на которую носил массовый характер. Тот же Штейфон вспоминал: «В течение всего гетманского периода я только один раз слышал украинскую речь в приемной харьковского губерниального старосты. Однажды при мне вошел в приемную вновь назначенный начальник украинской дивизии генерал [Л. В.] Федяй. Я знал его по своей службе в Туркестане, где Федяй был генерал-квартирмейстером штаба Туркестанского округа.

Федяй, услышав, что дежурный офицер назвал меня “г[осподи]н полковник”, обратился ко мне с вопросом на мове. Я вспыхнул, ответил, что не понимаю мовы, и высказал сожаление, что генерал русского Генерального штаба так скоро “забыл” русский язык. Федяй покраснел, сконфузился и стал путано оправдываться. Уже на русском языке!

Когда офицеры поступали на украинскую службу ради куска хлеба, это имело известное оправдание. Но когда генералы делали на украинстве карьеру, то подобное явление представлялось и пошлым и изменническим.

Среди вольных и невольных перелетов чувство особо острого осуждения вызывали помощник военного министра генерал Лигнау и помощник начальника Генерального штаба полковник Какурин.

Обоих я знал хорошо, с обоими у меня были в прошлом добрые отношения. Оба они ничего общего с украинством не имели и являлись типичными перелетами — карьеристами. Узнав, что оба они в Киеве служат не за страх, а за совесть и считаются носителями украинской идеи, я написал обоим резкие письма, осуждая их измену общерусскому делу. Конечно, подобный мой поступок был не более, как донкихотством, но моя совесть всегда требовала активных протестов»¹⁴³.

Генерал Г. И. Гончаренко (впоследствии эмигрантский писатель Ю. Галлич), служивший в гетманской армии, вспоминал о гетманской Украине, что «это был политический фарс с необходимою игрою в самостийность, с борьбою политических коммивояжеров, со сменами кабинетов, с невинным балаканьем на “мове”, с державною “працей” в министерствах, с ясным сознанием непрочности всей затеи. С горечью в душе пришлось наблюдать

¹⁴² Там же. Д. 754. Л. 23.

¹⁴³ Там же. Л. 71, 72.

попытки иноземных врагов и собственных ренегатов расколоть на части две сросшиеся ветви великого русского народа»¹⁴⁴.

С такой же легкостью после ухода немцев в конце 1918 г., крушения режима гетмана П. П. Скоропадского и прихода к власти радикальных украинских националистов бывшие гетманские генштабисты бросили Украину, устремившись к белым или к красным. Некоторые разочаровались в гетманском режиме еще раньше и покинули Украину. По свидетельству Ахаткина, «симпатии, зародившиеся было к гетману, у меня лично стали быстро исчезать под влиянием дальнейших событий. Казалось, что Украина, навевая у себя порядок, примется искоренять большевиков в остальной России. Ничуть не бывало: с большевистским правительством шли мирные переговоры, устанавливались границы и т. п. В своих речах и во внутренней политике Гетман проводил все более и более самостийническую политику.

Желание уйти из этой армии в Добровольческую, на стороне коей были все мои симпатии, не умирало во мне никогда и теперь возросло с новой силой. Пока меня удерживало желание устроить жену»¹⁴⁵. Лишь в конце октября 1918 г. Ахаткин смог поступить в Добровольческую армию.

Офицеры, служившие в Добровольческой армии, относились к украинизовавшимся неприязненно. Приехавший с секретной разведывательной миссией в Киев подполковник С. Н. Ряснянский вспоминал о встрече со своим старым товарищем, подполковником А. В. Сливинским, ставшим начальником украинского Генерального штаба: «Он был на год моложе меня по Полтавскому кадетскому корпусу, и тогда он носил фамилию Слива. Кончил он корпус одним из первых и через 3 года пошел в академию Генерального штаба¹⁴⁶, так что окончил ее раньше меня. Во время Великой войны он был в штабе 10[-й] кавалерийской дивизии, а позже в штабе 3[-го] конного корпуса, в то время, когда этими частями командовал знаменитый генерал граф Келлер. Выказал себя Сливинский, рожденный Слива, во время войны очень хорошо и заслужил не только орден Св. Георгия, но и уважение чинов дивизии, а позже и корпуса, но... ему захотелось занять высокое положение и удовлетворить честолюбие. Случай представился. В начале 1917 года он был назначен в штаб Румынского фронта, и там же в начале революции был образован украинский комитет для самоопределения украинцев. Сливинский сразу же вошел в него и начал играть в нем значительную роль. Когда я упрекнул его, при встрече в Яссах, в том, что он занялся украинизацией, то он мне на это сказал, что его задача не дать захватить верх в комитете чистым самостийникам. Возможно, что в то время он и не думал о полной самостоятельности Малороссии, но уже несколько позже, когда он был выбран в Раду, его первоначальные взгляды изменились, и он стал самостийником.

¹⁴⁴ Галич Ю. Красный хоровод // Галич Ю., Попов К. С. Красный хоровод. М., 2008. С. 146.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 67, 67 об.

¹⁴⁶ Мемуарист неточен, в Академию можно было поступать через три года службы в офицерских чинах, т. е. после окончания военного училища, а не кадетского корпуса.

В приемной украинского начальника штаба было довольно много ожидавших приема лиц, среди них было несколько мне знакомых военных, перешедших на службу в украинские войска, существовавшие, правда, только на бумаге. Докладывал о просителях штаб-офицер для поручений нач[альника] Г[енерального] шт[аба], бывший офицер 10[-го] драгунского п[олка], во время войны штаб-офицер для поручений при интенданте 3[-го] кав[алерийского] корпуса подп[олковник] Балтин, ставший по примеру своего сослуживца Сливинского щирым украинцем. Я довольно насмешливо отнесся к его новой роли и форме, что, по-видимому, несколько его обидело, но мало смутило, шепотом он обещал мне потом рассказать “много интересного”. Мое старое знакомство со Сливинским дало мне преимущество перед прочими ожидающими, а может быть, сыграло роль и то, что я явился не в роли просителя, о чем сразу же заявил Балтину. Нужно сказать, что этот Балтин был большая пройдоха и проныра. Сливинский принял меня очень любезно и спросил о причине моего приезда в Киев (о том, что я служу в Добровольческой армии, он уже знал), я ответил, что приехал по своим личным делам. Открывать свои карты я не хотел до тех пор, пока не узнаю об отношении Сливинского к нашей армии. Сговорившись с ним о дне нового свидания, во время которого мы могли подробнее поговорить и спокойно посидеть, не тревожимые никем, я ушел от него. Он, насколько я помню, обещал мне содействие, если мне оно будет нужно... я прошел в управление Генерального штаба, где служило несколько моих сверстников по академии. Встретили они меня не одинаково, одни любезно, но со смущением на лице, и говорили со мной по-русски, несмотря на то что всюду висели надписи, требующие говорить на “державной мови”, другие же, как, например, подполковник Безручко, впоследствии военный министр Петлюры, явно недоброжелательно и со мной не говорили, а “балакали” и, прощаясь со мной, даже не пожелали мне “до побачения”, особенно я об этом и не жалел, считая их изменниками, таковыми они и проявили себя потом во все время пребывания на службе сначала Гетмана, а потом и Петлюры, таковы они (о ком я знаю теперь) и сейчас.

Ушел я из украинского Генерального штаба с очень тяжелым чувством на душе. Десятки офицеров, сидевших в здании бывшего киевского штаба округа, делали дело, враждебное России, кто из-за куска хлеба, кто из честолюбия, кто идейно — желая создать самостийную Украину, и, если последняя категория офицеров была нежелательна в рядах Добровольческой армии, то из числа первых было много таких, которые были бы желательны и могли бы пойти служить в ряды ее, если бы... если бы дали вовремя жалованье, приказали, не было бы семьи, и так далее и тому подобное. Впоследствии в Доб[ровольческой] армии были организованы комиссии по приему офицеров в армию, эти комиссии рассматривали причины позднего вступления офицеров в армию, и я знаю многих членов этих комиссий, которые считали, что нужно строже относиться к офицерам, служившим в украинской армии, чем в Красной, исходя из того, что в Красной армии они часто были вынуждены служить под угрозой смерти не только своей, но и ни в чем не повинных членов их семей, в том числе и маленьких детей, служба же в украинской армии не была обязательна и ее можно было избежать, как

равно можно было свободно приехать в Добровольческую армию не тогда, когда все разваливалось у Гетмана и красные вновь заняли Малороссию, а раньше, когда Добровольческая армия так нуждалась в людях»¹⁴⁷.

Яснийский недоумевал по поводу того, что украинизировалась не только молодежь, но и старые кадровые офицеры. В разговорах с представителем Добрармии украинизировавшиеся «оправдывались разными более или менее важными причинами»¹⁴⁸.

Переход офицеров в национальные армии отнюдь не означал, что все они являлись приверженцами националистических и антироссийских взглядов. Из условно выделяемых нами десяти возможных причин поступления генштабистов в эти армии лишь одна относится непосредственно к национализму и русофобии, тогда как остальные связаны с антибольшевизмом и местным патриотизмом, с пребыванием на одном и том же месте по инерции, с карьерными и профессиональными потребностями или с социально-экономическими проблемами. Причем антироссийски настроенные офицеры появлялись не только среди тех, кто относил себя к националистам, но и в группе карьеристов-приспособленцев, подстраивавшихся под то, чего от них хотели власти. Таким образом, можно говорить о том, что часть офицеров стала носителями русофобии уже после 1917 г. Нельзя исключить, что на формирование таких взглядов влияла атмосфера русского национализма и шовинизма, присущая офицерам русской армии.

Отношение русофобски настроенных офицеров к белым тоже было неприязненным. По свидетельству британского генерала У. Айронсайда, глава польской военной миссии на Мурмане, бывший Генштаба подполковник граф С. И. Соллогуб-де-Война (выпускник Академии 1912 г.) был настроен по отношению к русским высокомерно и якобы даже говорил: «Русские никуда не годны. Справиться с такими людьми проще простого»¹⁴⁹. Это заявлял офицер, за два года до этого служивший в русской армии и получивший в России воспитание и высшее военное образование. Для приверженцев подобных взглядов раскол русского Генерального штаба и отпадение от России окраин в 1917 г. были явлениями необратимыми. Многие офицеры, поступившие в национальные армии, не желая афишировать службу в русской армии (это могло помешать служебному росту), перестали носить русские дореволюционные награды и академические знаки. Продемонстрировать неприятие всего русского любил украинский генерал В. Н. Петров, потомок шведов и норвежцев (немаловажный факт, так как выслуживаться за счет демонстративного презрения к своей прежней жизни порой старались люди, не связанные происхождением с национальными государствами), а в недавнем прошлом русский генштабист и гвардейский офицер, написавший в 1941 г.: «Москва, сунувшаяся в Европу после победы под Полтавой над северным вождем Карлом XII и его союзником нашим гетманом Мазепой,

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 16–18.

¹⁴⁸ Там же. Л. 19.

¹⁴⁹ *Айронсайд У. Э.* Архангельск. 1918–1919 // *Заброшенные в небытие : Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников.* Архангельск, 1997. С. 352.

ныне отброшена фюрером Великой Германии далеко от влияния на европейскую жизнь и, нужно верить, что навсегда»¹⁵⁰.

Впрочем, это были только слова, хотя некоторые бывшие офицеры русского Генерального штаба участвовали и в конкретных антироссийских акциях. Так, генерал А. А. Тунцельман фон Адлерфлуг, бывший русский генштабист, возглавивший финский Генштаб, в 1919 г. подписал приказ об организации актов саботажа на Востоке, предусматривавший осуществление диверсий и терактов на Северо-Западе России, в том числе в Петрограде¹⁵¹. Возникает вопрос, как такой офицер мог всего за два года до этого представлять военную элиту России. Курсовик Н. А. Реек, ставший в эстонской армии начальником штаба Вирусского фронта, заявил в 1919–1920 гг. о страдавших от эпидемий солдатах армии Н. Н. Юденича, отступивших в Эстонию: «Если зараза среди них распространится, нам не будет слишком больно и даже слишком жалко, если количество русских в Причудье немного уменьшится»¹⁵². Это высказывание не расходилось с политикой эстонских властей, вследствие которой погибли не менее 10 000 человек из Северо-Западной армии. Подобные взгляды некоторых генштабистов свидетельствуют о низком качестве отбора кадров в дореволюционный Генеральный штаб, в который попадали русофобски настроенные офицеры из представителей других народов.

Разрыв связей этих офицеров с Россией, прежним кругом общения, стремление любым способом инкорпорироваться в новую военно-политическую среду для успешного продвижения по карьерной лестнице вели их по пути ненависти к стране, давшей им воспитание, образование и высокое общественное положение. Эта ситуация затрагивает принципиально важные проблемы подготовки государственно мыслящих кадров военной элиты России. Сам факт раскола корпорации генштабистов продемонстрировал недочеты рекрутирования кадров дореволюционной военной элиты, в которую попадали беспринципные карьеристы и антироссийски настроенные офицеры. В то же время процент офицеров, пошедших в национальные армии и являвшихся потенциальными носителями такого рода взглядов, был невелик, а основной раскол внутри корпорации пришелся на красных и белых.

В целом, причины перехода генштабистов в национальный лагерь были следующими:

- националистические взгляды, русофобия;
- антибольшевизм;
- местный патриотизм, стремление навести порядок в своем регионе, помочь своему народу;
- продолжение службы по инерции в национализировавшихся частях старой армии;

¹⁵⁰ Петрів В. Військово-історичні праці. Листи. Київ, 2004. С. 172 (перевод наш).

¹⁵¹ Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // Русский сборник : исследования по истории России. М., 2012. Т. 13. С. 129.

¹⁵² Зирин С. Г. «Русский патриот до глубины души»: Генрих Иванович Гроссен // Михайлов день 2-й : журнал исторической России. СПб., 2010. С. 347.

- потребность в профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить Родине) безотносительно правящего режима;
- стремление удержать контроль над армией в руках офицеров-патриотов великорусской направленности, создать кадр будущей русской армии;
- территориальная близость к фронтам Первой мировой войны, невозможность добраться на Родину;
- карьеризм и приспособленчество, в том числе стремление переждать Гражданскую войну;
- проживание, служба, родственные связи, имущество в регионах, обывавших о своей независимости;
- отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи.

Разумеется, далеко не все побывавшие, например, в украинских формированиях офицеры были убежденными украинскими националистами. Прибывший с Украины в Екатеринодар капитан Петров докладывал белому командованию осенью 1918 г., что украинские офицеры Генерального штаба «открыто и искренно говорят, что они готовят часть будущей русской армии»¹⁵³.

И все же служба здесь предполагала несколько шагов, шедших вразрез с традиционными взглядами русских офицеров в целом и генштабистов в частности, а подчас и неприемлемых. Прежде всего, признаком лояльности офицера, скажем, петлюровскому (в меньшей степени гетманскому) руководству являлось отсутствие с его стороны контактов с чем бы то ни было, связанным с Россией, неиспользование русского языка, презрительное отношение к «москалям» (именно так практически во всех украинских документах того времени именовались русские), наконец, если заходит речь об Украинской галицийской армии, то здесь русским офицерам приходилось служить вместе со своими недавними врагами — австрийцами. Когда офицер поступал на службу в такие формирования, то он автоматически, так или иначе, принимал поставленные условия.

Положение русских генштабистов на Украине было неблагоприятным. Подполковник Ахаткин отмечал: «Мы в Киеве являлись до некоторой степени париями, ибо на нас смотрели как на москалей и некоторые власть имеющие лица... Мы упорно отстаивали свои права»¹⁵⁴.

Любопытные наблюдения о поведении генштабистов в Гражданскую войну содержатся в показаниях бывшего генерала А. Г. Лигнау по делу «Весна» 17–18 января 1931 г., хотя в документе и чувствуется направляющая рука следователя. Лигнау отмечал: «Октябрьская революция на фронте, ликвидировавшая офицерство как класс, сразу же вызвала с его стороны ярко враждебное к ней отношение.

Офицерство было лишено того привилегированного служебного положения, в котором находилось, лишено действительной неограниченной власти над солдатской массой и лишено тех материальных перспектив, которые предвиделись по окончании войны.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 110.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 64.

Особенно остро чувствовали вновь создавшееся положение мы, офицеры Генштаба, занимавшие исключительно выгодное служебное положение, обеспечивавшее нам блестящую будущность.

Офицерский состав по своему отношению к большевизму разделился на две основные категории.

Первая, сразу же ставшая по внешним проявлениям на сторону большевиков, всецело отдалась во власть солдатской массы, стремясь всемерно доказать ей свою глубокую приверженность новому политическому течению, для чего принимала самое широкое участие в митингах, шла навстречу и даже предупреждала стремления солдатской массы “кончать войну” и расходиться по домам.

Другая же часть, недостаточно гибкая и не оставившая еще прочно укоренившегося в ней чувства “офицерского долга”, не желавшая идти на компромиссы со своей “монархической совестью”, стремилась всеми силами уйти с фронта в тыл и там ожидать дальнейших событий. К этой части относилась и большая доля офицеров Генштаба, как находившихся в штабах и не связанная непосредственно со строевыми частями, т. е. с солдатской массой.

Как та, так и другая категория офицерства в общем затаила в себе неприемлемо враждебное отношение к большевизму как к политической системе, ликвидировавшей офицерство как класс, и к большевикам, как к людям, создавшим и проводившим эту систему в массы, влияние над которыми (в документе ошибочно — которой. — *А. Г.*) они быстро приобретали.

По ликвидации империалистического фронта до начала Гражданской войны наиболее активная и энергичная часть офицерства стремится в районы, не охваченные еще в полной мере большевизмом, и здесь под руководством офицеров Генштаба организует активную борьбу с большевиками.

Эти более агрессивные группы, опираясь на кулацки настроенные массы, как, например, казачество, украинских хуторян, сибирское крестьянство — достаточно окрепшие, входят в договорные отношения с правительствами капиталистических стран и во имя борьбы с большевизмом становятся послушным орудием капитализма, стремящегося возратить себе утраченное экономическое влияние на территории России.

Интервенция, как полное экономическое порабощение России, не смущает глубоких патриотических чувств руководителей борьбы с большевиками в лице нас, бывших офицеров Генштаба, — наша цель уничтожение большевизма как политического фактора, какой угодно ценой.

Я лично сначала работаю в роли помощника воен[ного] министра в правительстве гетмана Скоропадского, а после его падения в армии Колчака.

Начинается Гражданская война.

Мы, офицеры Генштаба, оставшиеся на территории, не захваченной контрреволюционными группировками, втягиваемся помимо нашей доброй воли в круговорот политической жизни и, став перед необходимостью дать прямой ответ на формулу “кто не с нами, тот против нас”, идем работать с большевиками.

Оставаясь по-прежнему враждебно настроенными против Соввласти, при неуверенности в исходе Гражданской войны и в расчете все же на па-

дение Соввласти при помощи интервенции, значительно большая часть из нас, принимая призыв Соввласти к совместной работе, стремятся занять положение, но менее одиозное в глазах будущих победителей — интервентов: центральные учреждения, военные учебные заведения и т. п.

Приглашения к непосредственному участию в Гражданской войне в рядах Красной армии и в действующих прифронтовых штабах встречают пассивное сопротивление в виде отводов под благовидными предложениями: неподготовленность к командованию крупными соединениями, незнакомство с методами Гражданской войны, состояние здоровья, семейное положение и т. д.

В этих стремлениях мы, бывш[ие] офицеры Генштаба, встречаем широкое сочувствие и поддержку со стороны наших товарищей, занимающих ответственные должности, связанные с распределением генштабистов, и при помощи этих товарищей мы устраиваемся на “нейтральные” места.

Занимая те или иные должности, мы не можем отказать от мысли о необходимости перестраховки себя на будущее, если исход Гражданской войны окажется неудачным для большевиков.

Значительная часть у нас, бывш[их] офицеров Генштаба, в ожидании конца Гражданской войны, стремится уйти в подполье, либо прозябая в качестве “бывших людей” на положении кустарей (портные, сапожники, игрушечники и т. п.), либо стремится устроиться на легкие должности в гражданских правительственных учреждениях, либо живя без определенных занятий на остатки своих сбережений и продажей своего имущества.

Основное побуждение всех нас сохранить себя в глазах возможных победителей на случай падения Сов[етской] власти наименее скомпрометированными и, таким образом, получить больше шансов на восстановление своих утраченных прав и преимуществ.

Более экспансивные натуры, желающие предупредить события и в наибольшей мере себя перестраховать, идут на измену, передаваясь на белую сторону (Иван Павлович Сыгин, Болховитинов, Андогский, Богословский и др.) и пытаясь даже поднять восстание, как, напр[имер], Перхуров в Ярославле.

Война с белополяками знаменуется призывом Брусилова ко всем офицерам и к их патриотическому чувству.

Этот призыв воспринимается под углом зрения наших общих настроений. Мы призыв Брусилова объединиться для защиты Родины трактуем как призыв к защите Родины в нашем представлении, а не для защиты Сов[етской] власти.

Конец Гражданской войны создал психологию, крайне для нас неблагоприятную, под непосредственным воздействием следующих фактов:

1. Белые армии, многочисленные и технически хорошо снабженные при широкой материальной помощи Антанты, разбиты слабой, хуже организованной и технически отсталой Кр[асной] армией.

2. Иностранная войска, действовавшая совместно с белыми, оказались небоеспособными, подверглись быстрому разложению под влиянием большевистской агитации.

Мы под влиянием исхода Гражданской войны и неудачи первой интервенции временно находились в состоянии своего рода психической депрессии.

Мы пришли к выводу, что расчеты на свержение Сов[етской] власти рухнули, [пришлось] склонить головы перед неизбежным злом и обеспечить себе наиболее сытое существование, затаив в себе мечты о возвращении прежних “прав” и “преимуществ”, прикрыв свою политическую сущность под маской внешней лояльности.

Мы, бывшие офицеры Генштаба, переходили на вынужденную добросовестную работу, стремясь занять наиболее ответственные места, делая уже карьеру на советской службе.

Мы, хотя и связаны между собой единым мировоззрением и единым классовым сознанием, работаем пока каждый сам по себе, вступая даже во взаимную конкуренцию и интригу друг против друга во имя личного благополучия.

Этот период является периодом наибольшего насыщения нами (бывш[ими] генштабистами) центральных и правительственных учреждений и военно-учебных заведений: Штаб РККА со всеми отделами, ГУВУЗ¹⁵⁵, Штабы военных округов, различные военные Академии и особенно Военная Академия РККА, КУВНАС¹⁵⁶, Воздушная Военная Академия, КУВНАС стратегических? окр[угов], ПС¹⁵⁷, Выстрел¹⁵⁸, провинциальные нормальные школы и т. п.

Внешне лояльно, но по существу идеологически враждебно Сов[етской] власти, мы, бывшие офицеры Генштаба, на досуге анализируем минувшие события, стремясь выяснить причины неуспеха белых армий и интервентов.

Анализ нас приводит к выводам, что основные причины победы Сов[етской] власти заключаются в следующем:

1. Явно враждебное отношение к белым и интервентам со стороны преобладающей массы крестьянства, воспринявшего большевизм полностью, жившего с Сов[етской] властью одними интересами и ждавшего только от нее осуществления всех своих интересов, особенно, резко чувствовавшего власть белых после занятия ими территорий, оставленных большевиками.

2. Революционный энтузиазм и безусловная преданность Сов[етской] власти красных войск периода Гражданской войны, постоянно поддерживаемые крепко сплоченной партией, умевшей создавать решительный перелом в пользу Сов[етской] власти в критические моменты на фронте.

3. Неорганизованность и неподготовленность антисоветских элементов в тылу.

4. Отсутствие согласованности в действиях белых армий.

Как общее заключение, если бы обстановка сложилась иначе, Сов[етская] власть неизбежно была бы ликвидирована.

Сделанные выводы учитываются как урок на будущее время.

Период, непосредственно следующий за окончанием гражданской войны, с возникшей хозяйственной разрухой дает нам первые проблески надежды на внутренние осложнения.

¹⁵⁵ ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений.

¹⁵⁶ КУВНАС — Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава.

¹⁵⁷ Предположительно сокращение — подготовка состава.

¹⁵⁸ Речь идет о стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна «Выстрел».

В связи с этим, учтя сделанные выше выводы, мы, уже объединенные первым призывом Брусилова и общими настроениями, проявляем стремления подготовиться к будущим событиям, не повторяя допущенных ошибок.

Основным вопросом пока у нас является более прочное объединение бывших офицеров вообще и офицеров Генштаба в первую очередь, как предназначенных на руководящую роль»¹⁵⁹.

Не последнее место среди мотивов поступления на военную службу занимала потребность генштабистов в профессиональной самореализации. Об этом красноречиво свидетельствует обращение курсовика полковника А. А. Окаимова ко 2-му генерал-квартирмейстеру украинского ГУГШ в сентябре 1918 г.: «Когда германцы заняли Луцк и Киев, я остался без места, и меня знакомые устроили в Одесскую пограничную бригаду, — где я нахожусь до сих пор. Служба легкая и хорошая, но все же я хочу перейти на свою прямую дорогу в Генеральный штаб. Неужели же я столько времени даром учился...»¹⁶⁰.

К концу 1918 г. стороны Гражданской войны кристаллизовались и организовались. Большая часть генштабистов оказалась среди противников большевиков. С другой стороны, красные смогли поставить себе на службу такое количество генштабистов, которое, пусть и по минимуму, но позволяло им решать военные задачи. Однако антибольшевистский лагерь, в отличие от Советской России, так и не стал единым военным лагерем, что и предопределило его разгром.

Выпускник академии А. Д. Тарановский рассуждал о периоде 1918–1919 гг. в жизни военспецов-генштабистов в Советской России, как о времени «еще не веры в ее (Советской власти. — А. Г.) прочность, как период неустойчивого еще блуждания и искания своей, быть может, новой идеологии, благодаря изменившимся условиям»¹⁶¹. К. Л. Капнин свидетельствовал, что весной – летом 1918 г. в Новороссийске при красных для него «жизнь была тяжела с моральной стороны и чем дальше, тем становилось тревожнее и напряженнее»¹⁶².

По мнению еще одного военспец-генштабиста Д. Н. Надежного, «значительную часть командного состава, в том числе и Генерального штаба, после Октябрьской революции толкнуло в ряды контрреволюции; с одной стороны — потеря служебных привилегий, а с другой стороны — недовольство развалом фронта, влекущим за собой позорное окончание войны. Организация новой армии и связанная с ней мобилизация дали возможность проникнуть в ее ряды контрреволюционно настроенному офицерству, которое в достаточной мере ее разлагало и приводило к измен[ни]ческим деяниям.

В отношении бывш[их] офицеров Ген[ерального] штаба нужно отметить две группировки: лиц, желавших обеспечить себя, на всякий случай, как бы нейтральной позицией в развивающихся событиях, которые постарались занять должности по учебному ведомству, и других, которые безоговороч-

¹⁵⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 59 (77). Л. 70–75.

¹⁶⁰ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 828 об.

¹⁶¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26, 26 об.

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 46 об.

но пошли на службу в ряды армии. Были и такие, которые попали в ряды армии по назначению. Те, которые пошли по учебному ведомству, стремились избежать активного участия в Гражданской войне, тем самым имели возможность в случае изменений политической обстановки объяснить свое пребывание на службе в Красной армии, как не идущее вразрез со старыми идеалами»¹⁶³.

Бывший генерал-лейтенант Е. А. Искрицкий на следствии по делу «Весна» сообщил: «Октябрьскую революцию я встретил не сочувственно, так как я ее не понимал и считал ее [событием], не отвечающим интересам русского народа. Главными причинами, побудившими меня к этому, были знаменитый приказ № 1, который я понимал как стремление безответственных элементов разложить армию во время войны, затем сильное впечатление произвело на меня убийство моих родных и близких.

Вместе с тем для меня было очевидно, что процесс большевизации России будет очень затяжной и что мы, представители старого режима, будем страдающей стороной, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Приемлемой формой русской государственности в противовес большевизму мне казалось будет та, которую признает действительной Учредительное собрание.

Когда я поступил работать в Красную армию, еще не был ликвидирован германский фронт, и поэтому я считал возможным продолжать борьбу с немцами далее в рядах Красной армии.

Только после того, когда война приняла гражданский характер и на участке мной сформированной армии моими противниками с белой стороны оказались люди, с которыми я рос, воспитывался и служил при старом режиме и которых я не мог считать своими врагами, я понял, что не могу как командующий быть водителем красных войск, и предлагал уйти со строевой работы на чисто академически-научную. Привходящими обстоятельствами служили смерть моей жены и моя болезнь.

Этот период своей жизни и работы в Красной армии я могу охарактеризовать как наиболее рельефный в моей деятельности, в том отношении, что это было время, когда я был реакционен в своем отношении к Соввласти.

Хочу отметить, что это были чисто субъективные переживания, не воплощавшиеся в конкретные практические мероприятия, направленные во вред армии.

В дальнейшем мои политические взгляды постепенно изменялись, поскольку я понял, что революция немыслима без искупительных жертв, однако до последнего времени переживал и страдал от... подчас унижительного положения быв[шего] кадрового офицерства, которое я считал обидным и незаслуженным... Я понимал и видел, что нам, быв[шим] людям, становится все теснее, и что мы ограничиваемся во всех областях до минимума»¹⁶⁴.

Немалую роль в том, где оказывался тот или иной офицер в Гражданскую войну, играл фактор случайности. Как отмечал один из флотских офицеров, «в нормальное время не играет никакой роли, в какую сторону вы пойдете,

¹⁶³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37. Л. 11.

¹⁶⁴ Там же. Т. 240 (3159). Л. 86, 87 об.

выйдя из дома. Во времена крупных событий это может иметь решающее значение. Вся ваша дальнейшая жизнь может измениться в зависимости от того, кого вы встретили, пойдя направо, а не налево»¹⁶⁵. В этом отношении характерен случай, произошедший весной – летом 1918 г. со слушателем Военной академии в Екатеринбурге, бывшим полковником А. Г. Слефогтом, у которого была ампутирована нога. Офицер решил навестить содержавшуюся в заключении бывшую императрицу, ухаживавшую за ним в лазарете в качестве сестры милосердия в Первую мировую войну. Однако ему не только отказали в просьбе, но и сам он был арестован¹⁶⁶. В результате, когда вся Академия перешла к противникам большевиков, разделив участь белых армий, Слефогт, несмотря на свои монархические симпатии и очевидные антибольшевистские взгляды, остался в Красной армии, где и прослужил всю Гражданскую войну. Стечением обстоятельств оказался обусловлен и путь другого офицера-генштабиста — подполковника В. П. Сальского, ставшего военным министром Украинской народной республики. Незадолго до большевистского переворота он обратился к начальнику Военной академии полковнику А. И. Андогскому с просьбой устроить его в Академию курсовым штаб-офицером или преподавателем¹⁶⁷. Обращение Сальского, очевидно, не увенчалось успехом, в результате чего он пошел по пути украинизации. Как бы ни оценивались последующие действия Сальского, его попытка трудоустроиться в Академию накануне Гражданской войны, в случае успеха, с большой долей вероятности привела бы к тому, что он мог стать не петлюровским, а колчаковским генералом¹⁶⁸. То время дает немало примеров подобных случайностей, вливших на жизни и судьбы.

Здесь надлежит упомянуть и еще об одной группе офицеров-генштабистов. О тех, кто устранился от участия в Гражданской войне. Причины уклонения, по классификации полковника Я. М. Лисового, были следующими: окончание военной службы; наличие большой семьи и необходимость зарабатывать частной службой; болезнь или ранение; стремление выждать время до прояснения обстановки¹⁶⁹.

Пассивные участники были и в рядах воюющих армий. Развал государства и армии был воспринят многими офицерами Генштаба как личная трагедия. В некоторой части стала проявляться апатия. Отставной генерал В. А. Олохов, числившийся в РККА, но по состоянию здоровья едва способ-

¹⁶⁵ *Бьеркелунд Б. В.* Воспоминания. СПб., 2013. С. 107.

¹⁶⁶ *Семчевский К. В.* В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести. Сан-Франциско, 1978. № 371. Июль – август. С. 6. Когда о случившемся стало известно, начальник Академии А. И. Андогский собрал слушателей и прочел им лекцию о недопустимости подобных поступков, создающих угрозу всему составу Академии. Помощи от опасавшегося вмешиваться академического начальства Слефогт не получил (НИА. Pavel P. Petrov collection. Box 1. Folder 3).

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 4, 5.

¹⁶⁸ Подробнее см.: Як майбутній український генерал В. Сальський ледь не став колчаківським офіцером / публ. А. Ганина // Військово-історичний альманах. Київ, 2013. № 1–2 (25–26). С. 102, 103.

¹⁶⁹ *Лисовой Я. М.* Генеральный штаб : (Статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.). С. 14.

ный нести какую-либо службу, утратил всякое желание служить и говорил супруге: «Россия погибла, армия, дорогая армия обратилась в беспорядочную толпу»¹⁷⁰. Такие офицеры стремились всячески уклониться от отправки на фронт, пытались закрепиться на преподавательской или военно-научной работе, а если все же приходилось участвовать в войне, ограничивались простым исполнением приказов сверху без какой-либо инициативы.

В группе устранившихся были также те офицеры, которые находились в 1917 г. за пределами России и не пожелали с началом Гражданской войны вернуться в охваченную смутой страну, и те, кто уехал из России, спасая себя и своих близких и не желая втягиваться в братоубийство. Были здесь и те, кто переехал или остался жить на бывших национальных окраинах империи (Польша, Финляндия, Прибалтика). За рубежом находились многочисленные военные представители противоборствующих сторон, выполнявшие служебные поручения. Впрочем, последних нельзя считать уклонившимися от участия в Гражданской войне.

Контингент генштабистов в противоборствующих армиях на протяжении всей Гражданской войны постоянно менялся, в том числе за счет перебежчиков и пленников. К примеру, на октябрь 1918 г. в РККА служили 695 выпускников Академии, на белом Юге — 343, на Восточном антибольшевистском фронте — 335 и ровно столько же в украинской армии гетмана П. П. Скоропадского. Через год, в октябре 1919 г., на пике успехов белых, в РККА служили 586 выпускников, на белом Юге — 819, на Восточном антибольшевистском фронте — 596 и в украинских армиях только 55.

В общей сложности, с учетом всех перемещений офицеров, через ряды белых армий прошло несколько больше выпускников и слушателей Академии, чем через РККА¹⁷¹. Свою роль в этом сыграло наличие у белых старой Академии Генерального штаба, осуществившей в 1919 г. ускоренный выпуск слушателей, хотя часть из них позднее также оказалась у красных¹⁷². Разница усугублялась и колоссальной численностью Красной армии, в которой дефицит генштабистов неизбежно чувствовался намного острее (к примеру, в РККА на одного генштабиста на август 1920 г. приходилось около 1215 красноармейцев боевого состава, тогда как в Русской армии генерала П. Н. Врангеля на сентябрь – октябрь 1920 г. — примерно 65 солдат¹⁷³).

Однако превосходство в количестве выпускников Академии не принесло белым победы. С одной стороны, в абсолютных цифрах это превосходство было невелико, с другой — для исправления ситуации красные, в отличие

¹⁷⁰ Олохова С. И. Мы служили Отечеству : воспоминания. СПб., 2012. С. 244.

¹⁷¹ Подробнее см.: Ганин А. В.: 1) Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика. Барнаул, 2016. № 1–2. С. 33–58; 2) С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4–14.

¹⁷² Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922.

¹⁷³ Подробнее см.: Ганин А. В. Роль специалистов Генерального штаба в победе Красной армии в Гражданской войне 1917–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2013. № 10. С. 10–17.

от белых, использовали в качестве генштабистов все категории выпускников Академии, не исключая и неудачно окончивших. Наконец, при дефиците квалифицированных командных кадров РККА организационно и численно превосходила антибольшевистские армии.

Кроме того, по численности прошедших через ее ряды в 1917–1922 гг. выпускников Академии РККА существенно превосходила любой из антибольшевистских фронтов (впрочем, в конкретные периоды Гражданской войны красные могли уступать по этому показателю белому Югу и Востоку). Даже самый мощный из них — Южный, являвшийся настоящим оплотом контрреволюции, по совокупности насчитывал в своих рядах примерно в полтора раза меньше выпускников Академии, чем Красная армия. Отсутствие должной координации и противоречия между антибольшевистскими фронтами и армиями лишили противников новой власти возможности воспользоваться преимуществом в кадрах Генштаба и стали одним из факторов, приведших противников большевиков к поражению.

Российская Гражданская война традиционно изучается с позиций приоритета партийно-политической борьбы. С точки зрения внутрикорпоративного противостояния дореволюционной военной элиты события 1917–1922 гг. еще не рассматривались. Между тем этот фактор, несомненно, присутствовал — исследователям лишь нужно определить его реальное значение. Мы, например, твердо не знаем, что доминировало в выборе командующего советским Южным фронтом П. П. Сытина — идейные установки, вынужденное сотрудничество с большевиками или же стремление помериться силами и доказать своим более удачливым до революции однокашникам и сослуживцам, оказавшимся по другую сторону фронта, в антибольшевистском лагере, что он как военный профессионал тоже чего-то стоит.

Возможно не так далек от истины, как может показаться на первый взгляд, видный кадетский деятель Н. И. Астров, писавший в эмиграции генералу А. И. Деникину о том, что «офицеры Генерального штаба поделили Россию на белую и красную и вели на ней поединок...»¹⁷⁴. Другой представитель антибольшевистского лагеря, судебный деятель и журналист Н. Н. Чебышев, отмечал, что «Россию погубили офицеры Генерального штаба, так как это они создали Красную армию»¹⁷⁵. В теории, если бы представители военной элиты сохранили монолитность корпорации и избежали поступления (добровольного или вынужденного) в тот или иной лагерь Гражданской войны, военный разгром такого лагеря, лишенного квалифицированных командных кадров (а, следовательно, самой возможности создать регулярную вооруженную силу), не представлял бы особой сложности. Именно так произошло с плохо организованными повстанцами-«зелеными»¹⁷⁶. Однако никакого корпоративного единства, несмотря на множество самых разных связей между офицерами (родственных, дружеских, служебных), не было. Не было и возможности уклоняться от мобилизаций. Поэтому высказывание Чебы-

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 101. Л. 189.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.

¹⁷⁶ Подробнее см.: *Посадский А. В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России: Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018.

шева остается хлестким и эмоциональным, но все-таки оторванным от реальности.

Раскол общества в период революционных потрясений не мог не затронуть и элиту старой армии — корпус офицеров Генерального штаба. Истоки раскола военной элиты следует искать в событиях 1917 г. и Первой мировой войны. Офицеры-генштабисты, как правило, не обладавшие каким-либо политическим кругозором, оказались перед трудным выбором — с кем быть в условиях развала страны и армии. В обстановке неопределенности многие продолжали по инерции служить на прежних местах, некоторые заняли выжидательную позицию. Активный идейный выбор в пользу каждого из лагерей был делом меньшинства. Он принадлежал либо офицерам, связанным родственными узами с руководством того или иного лагеря (например, с большевистским руководством, как в случае с М. Д. Бонч-Бруевичем и Н. М. Потаповым), либо общностью прежней идейной борьбы (как в случае с быховскими узниками, объединявшимися вокруг генерала Л. Г. Корнилова), либо офицерам с ярко выраженными националистическими устремлениями, возглавившими национальные армии. В дальнейшем поляризация и кристаллизация сторон только усиливались.

Военная элита разделилась на три борющихся друг с другом лагеря — красных, белых и сторонников национальных государств. Еще одна группа представляла собой офицеров, уклонявшихся от Гражданской войны. Причины размежевания офицеров и их перехода в тот или иной лагерь были во многом схожими, хотя и имели свои особенности. Интересно, что многие офицеры-генштабисты отнюдь не испытывали враждебности к своим бывшим сослуживцам, оказавшимся по другую сторону баррикад. Тем более что разделены оказались и многие семьи, а переходы из лагеря в лагерь стали повседневным явлением.

Кадровое офицерство традиционно воспринимало себя в роли носителя государственного начала. Неслучайно многие представители военной элиты остро переживали революционные события и воспринимали их как угрозу гибели страны. Такое восприятие происходящего способствовало активному идейному выбору государственно мыслящих офицеров, поддерживавших прежде всего красных или белых.

Катализатором притока генштабистов в Красную армию стала защита Советской России от германского наступления в феврале – марте 1918 г. Тогда к большевикам примкнули десятки офицеров Генштаба. Последующий период развития Красной армии отмечен началом процесса учета кадров Генерального штаба. Привлечение генштабистов в РККА первоначально базировалось на принципе добровольности, летом 1918 г. на добровольно-принудительных началах (угроза невозможности будущей службы по специальности при непоступлении в армию в этот период) и уже с осени 1918 г. стало принудительным.

Служба генштабистов в антибольшевистских армиях являлась добровольной. Основной причиной перехода в белый лагерь на начальном этапе Гражданской войны было неприятие большевизма и восприятие большевиков как германских агентов. Большое влияние оказывал персональный опыт представителей военной элиты в 1917 г., в особенности во взаимоотноше-

ниях с солдатскими массами. Приток генштабистов в эти армии во многом оказался обусловлен событиями Гражданской войны — развалом армии, массовым антиофицерским террором, предательской с точки зрения традиционного офицерского мировоззрения политикой большевиков, наличием в их рядах немыслимого для властных структур старой России процента инородцев, в том числе тех, кто до 1917 г. был лишен ряда политических прав — например, евреев. Свою роль в выборе сторон играли корпоративные связи генштабистов, фактор прежней совместной службы офицеров в старой армии, карьерные устремления. Социальное происхождение, как правило, особой роли в выборе не играло, так как во всех лагерях среди бывших офицеров были представители титулованной знати, равно как и выходцы из низов. Подкрепляется это примерами расколотых семей генштабистов, в которых братья, пошедшие в разные армии, явно обладали примерно одинаковым уровнем подготовки и схожим мировоззрением. Таким образом, генштабисты примерно равной квалификации и похожих взглядов оказались в каждом лагере, что, несомненно, способствовало затягиванию и расширению масштабов Гражданской войны.